

ПСИХОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ¹

Карл Штумпф

Аннотация: Работа известного немецкого психолога и философа Карла Штумпфа показывает, почему его творчество не без основания считают посредствующим звеном между учениями Ф. Brentano и Э. Гуссерля, В публикуемом тексте отражена полемика между «психологистами» и «критицистами» в немецкой философии, а также указывает на недопустимость сведения всех философских, в особенности, теоретико-познавательных исследований, к психологии.

Ключевые слова: психологизм, критицизм, Кант, ощущение, восприятие, содержание, естественная необходимость.

I. Спорный вопрос

[467] Когда Целлер в своем докладе «О значении и задаче теории познания» (1862) вновь призвал проявить заботу об этой науке, он назвал в качестве её задачи исследование предпосылок, при которых человеческий дух в состоянии познать истину, и в особенности — исследование *происхождения* и *истинности* наших представлений. Целлер назвал бессмертной заслугой Канта то, что тот вновь оживил интерес к данному вопросу и решил его более основательно, чем его предшественники. Целлер подчеркнул необходимость возврата к такого рода исследованиям в логике, но что эти исследования тоже теснейшим образом связаны с психологией, об этом Целлер явно не говорит. Однако его утверждения относительно происхождения наших представлений, сделанные в указанном докладе, особенно в позднейших дополнениях (1877), не оставляют никаких сомнений относительно его положительного мнения и по этому вопросу.

А в получившей с тех пор развитие неокантианской школе обнаружили в этой связи иные воззрения. Правда, логику здесь и с этой стороны чаще всего объединяют с теорией познания. Но тем резче тогда отделяется от них психология; более того, она оказывается им диаметрально противоположной. Данное представление столь широко распространилось, что даже воззрения, не относящиеся к неокантианству, выступают в поддержку максимально ши-

¹ *Перевод выполнен С.П. Поцелуевым по изданию: Stumpf, Carl. Psychologie und Erkenntnistheorie / Abhandlungen der philosophisch-philologischen Classe der k. Bayer. Akademie der Wissenschaften. München: Verlag der Akademie, 1891. Пагинация в тексте приведена по этому изданию. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках программы «Бrentано и его школа: развитие проблем сознания и интенциональности в феноменологии и аналитической философии XX в.» (проект № 01103300280а).

рокого разделения труда и принципиальной независимости теории познания. С этим связано изменившееся понимание собственной заслуги Канта, когда в качестве таковой называется как раз указанное чёткое обособление и противопоставление. При этом утверждается, что психология мыслительной деятельности имела место уже во времена Локка и даже ранее. [468] А отмеченные Дэвидом Юмом трудности относительно познания законов причинности были, якобы, уже с максимально возможной полнотой рассмотрены современником Канта, Николаем Тетенсом. И только Канту, — согласно этой точке зрения, — должны мы быть благодарны за эмансипацию теории познания от психологии, т. е. за *критику* познания. И при этом явное большинство признает, что отделение теории познания от психологии у самого Канта осуществляется только во втором издании «Критики чистого разума», да и там не вполне последовательно. Таким образом проводится различие, если можно так выразиться, между идеальным и историческим Кантом². Некоторые стремятся отыскать движение в сторону чистой критики познания, т. е. тенденцию «критического идеализма», уже у Лейбница, Декарта, Платона, тогда как собственно кантовские заслуги и с этой точки зрения в некотором смысле ставятся под сомнение. Однако эти различия мы далее рассматривать не будем.

В последующем мы будем обозначать выражением «критицизм» такое понимание теории познания, которое пытается освободить эту теорию от всех психологических оснований. Выражением же «психологизм» (впервые введённым в оборот, пожалуй, Й.Э. Эрдманом) мы называем сведение всех философских и особенно всех теоретико-познавательных исследований к психологии. И мы позволим теперь критицистам и психологистам направлять их копья друг против друга, причём ради дела мы будем максимально заострять аргументы, без учёта того, представлены ли они в литературе именно в такой форме.

Психологики утверждают, что ведь само по себе познание является психическим процессом, а потому исследование его предпосылок тоже есть психологическое исследование. Этой естественной аргументации психологиста критицист противопоставляет положение о том, что психологическое исследование может, конечно, привести нас к открытию определённых фактов душевной жизни, к познанию мыслительных и чувственных процессов или, в крайнем случае, к эмпирическим правилам, например, к правилам ассоциации [469] идей. Однако, — утверждает критицист, — это исследование никогда не сможет привести нас к познанию всеобщих и необходимых истин, по крайней мере, таких истин, которые должны считаться ещё и объективными, к примеру, к геометрическим аксиомам или к закону причинности. Как раз напротив, этот последний уже должен якобы лежать и в основе всего психологического исследования. Психология, согласно этому утверждению, является особой опытной наукой, а теория познания показывает нам условия возможности любого опыта.

Вынужденный таким образом перейти к обороне, психологист все-таки находится в лёгком положении, коль скоро избегает собственных позиций кантовской философии. К научным выводам, — возражает психологист, — можно придти и без теории познания, — подобно тому, как можно есть пищу и прогуливаться без знаний в области физиологии. Можно вполне понять, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, не имея при этом никакого представления о различии между аналитическими и синтетическими суждениями. Можно открыть законы маятника, не зная закона причинности а priori, в виде синтетического основоположения. Эти очевидные вещи не стоило бы даже упоминать, если бы не некоторые высказывания со стороны критицистов, которые позволяют сделать вывод о существовании противоположного мнения. «Может ли, — задаётся один из них вопросом, — существовать

² См. среди проч.: Windelband, Vierteljahrsschrift für wissenschaftl. Philosophie I 224 f. Как раз в связи с отношением Канта к «психологизму» Виндельбанд приходит здесь к выводу, что истинный критицизм в полной мере нигде не выражен в кантовских сочинениях, но означает лишь один из переходных пунктов, которые он прошёл в период между 1770 и 1780 годами. Виндельбанд недвусмысленно подчёркивает «зависимость критицизма от психологической теории его автора, зависимость, которую эта теория не может скрыть своими заявлениями противоположного свойства».

познание без его критики? Это было бы тогда познанием без закона, без нормы его истины, а значит, и без самой истины». О да, без всякой истины! Познание может быть не просто истинным, оно может быть совершенно очевидным [evident] для познающего, очевидным вплоть до последних своих оснований, но так, что познающий не знает при этом никакой теории данной очевидности.

В такой мере является, конечно, очевидным, что часто надо считаться с предпосылками, которые именно лишь посредством их употребления признаются полезными, и что исследование, после того, как оно достаточно далеко продвинулось вперёд, испытывает необходимость того, чтобы задним числом спрашивать о возможном внутреннем правомочии или необходимости указанных предпосылок и чтобы подводить их под общие понятия и правила. Интересно, что процессы и занятия повседневной жизни постепенно сами подчинились теории и позднее выполнялись уже «осознанно», а естественное зрение и слух привели потом к оптике и акустике и далее — к изготовлению [470] точнейших инструментов и к установлению строгих критериев для объективной надёжности восприятий. Подобно этому и теория познания является дочерью естественного познавания [Erkennen] и матерью знания искусственного (сделанного по правилам искусства). Поэтому с полным правом Локк и Юм усматривали цель теоретико-познавательного исследования не просто в узнавании чего-то [in das Erkennen überhaupt], а в точном определении средств и путей, границ и степеней вероятности наших знаний [Erkenntnisse].

Можно даже осмелиться утверждать, что психология в меньшей мере, чем другие науки о природе, нуждается в такого рода (производимой задним числом) проверке её предпосылок: ведь для психологии кажется несущественной именно *та* предпосылка, которая чаще всего влечёт к теории познания, а именно, предположение о существовании внешнего материального мира, независимого от нашего сознания. Однако мы не придаём этому значения, ибо сразу все же не ясно, действительно ли психология обходится без этой предпосылки, если свою задачу она, с другой стороны, усматривает не только в описании, но и в генетическом исследовании психических состояний.

Таким образом, психология, как и любая наука, влечёт в своем развитии к теоретико-познавательным размышлениям, и ей нужны эти размышления в её конце, а не в начале. Но *как* нужны? Является ли теория познания (в своем начале или в целом) тоже независимой от всей психологии? Не нужна ли ей с абсолютной необходимостью предварительная психологическая работа и содействие, по крайней мере, в вопросе о происхождении наших понятий? Чтобы это опровергнуть, критицист держит наготове более сильное и глубже проникающее оружие, которое он берет из арсенала критики чистого разума: учение о корнях всего научного опыта в априорных формах созерцания и мышления, а также учение о трансцендентальном синтезе и трансцендентальном схематизме.

Критика учит нас: если мы не прилагаем категорий единства, субстанциальности, причинности, необходимости и т. д. к явлениям, тогда мы не можем говорить о «предмете» или, тем более, о «природе» как всеобъемлющем закономерном и связном единстве предметов, или о природных законах как правилах этой связи. [471] Любая категория есть форма синтеза или, как было сказано, функция единства. Таков именно рассудок, который посредством осуществления своих функций единства *творит* предметы и природу с её законами. Дело не выглядит так, будто природа уже существует и только отражается потом в рассудке, но она вообще впервые возникает как природа только в рассудке и посредством рассудка. Явления как таковые не имеют в себе никакого правила, порядка или закона.

И для объяснения этого положения дел, — утверждает критицист, — не требуется никаких психологических предпосылок, фактов, наблюдений. Мы исходим из понятия научного опыта и спрашиваем об условиях, делающих этот опыт возможным, а также о предпосылках или элементах, содержащихся в указанном понятии. Мы находим там понятие субстанции и т. д. Об «условиях возможного опыта» здесь говорится не в психологическом смысле. Под

этим понимается не что иное, как элементы, которые выявляются посредством анализа понятия опыта. Таким образом критика познания оказывается возможной без психологии. Более того, она не может привлекать к делу психологию, не оскверняясь при этом. Дедукция действительности [Gültigkeit] категорий не должна ставиться в зависимость от действительности одного единственного психологического факта или одного единственного закона³.

Хотя критицисты строжайших правил — критицисты-догматики! — представляют теперь это положение дел как данное на все времена, а всех инакомыслящих с самого начала подвергают строгой цензуре, все же многие прошлые и новейшие исследования, посвящённые кантовскому учению, позволяют надеяться на постепенное взаимопонимание немногих крайностей по обе стороны противостояния. Речь идёт прежде всего о вопросе: в какой мере и почему можно утверждать, что рассудок творит предметы с их законами (II); далее, ставится вопрос о позициях, которые служат этому учению в качестве главных опор, отделение материи от формы (III) и учение о синтетической необходимости (IV). [472].

Относительно всех этих вопросов за прошедшее столетие было сказано невероятно много, в том числе немало и замечательного. Однако для наших целей здесь учитывается лишь малая доля всего этого. Большая же часть и без того относится лишь к вопросам истолкования кантовского текста. Эти вопросы были спровоцированы самим Кантом, его тёмным и уязвимым способом изложения, что вынудило некоторых его интерпретаторов признать печальный факт многих противоречий в кантовском учении⁴. Чтобы по возможности избежать такого рода дискуссий — а совершенно обойти их ведь невозможно, — я придерживаюсь толкования, которое на данный момент является самым удобным и признается современными критицистами. К этому толкает нас не только замечание самого Канта, что «нет ничего необычного в том, если посредством сравнения мыслей, высказанных автором о его предмете, этот последний понимается лучше, чем его понимал сам автор, когда он недостаточно полно определил свое понятие, а потому говорил подчас вопреки собственному замыслу». Не руководствуемся мы при этом и одним лишь мотивом справедливости, что это «более мягкое и более сообразное с природой вещей истолкование» должно быть признано и за самим Кантом (А. Штадлер). Нет, к вышеуказанному выводу толкают нас и тактические соображения, ибо только в этом случае при обсуждении нашего важного вопроса можно надеяться на реальную пользу и взаимопонимание.

II. Творение природы посредством рассудка

Поскольку понятие как таковое существует только в сознании, постольку является несомненной истиной, что объединение [Zusammenfassung] явлений в понятии предмета, связь явлений [473] или понятий друг с другом с точки зрения причинности, объединение всех предметов и причинных связей в понятии природы, — что все эти синтезы являются мыслительными актами, функциями сознания. Нечего возразить и против того, что именно в соеди-

³ См. среди пр.: Alois Riehl, *der philosophische Kriticismus I*, S. («Die kritische Philosophie Kant's kennt keine Psychologie») 66, 247 u.s.f.

⁴ Виндельбанд в упомянутом выше сочинении приходит к выводу, что в одном из важнейших разделов «Критики чистого разума» мысль беспрестанно мечется между тремя различными позициями (S. 256 f). Файхингер вообще находит в «Критике ...» от трех до пяти различных понятийных рядов, которые соединены в «единый трудно распутываемый клубок аргументации». Незавершённый ещё комментарий этого исследователя кантовской философии с его кропотливым сопоставлением и обсуждением всех истолкований являет нам унылую картину. При всем своем почтении к Канту, Файхингер не жалеет крепких выражений в адрес царящей в кантовском изложении путаницы. Часто он приводит в качестве доказательства довольно многих разных и даже противоположных толкований Канта именно у самих критицистов-догматиков, которые столь склонны объявлять недоразумением любое возражение в адрес кантовского учения. При случае он даже пишет об одном из лидеров критицистов, что тот уже сам по себе распространяет «целое облако недоразумений и тёмных, вычурных обращений» (I, 471).

нении [Zusammendenken], $\xi\upsilon\lambda\lambda\alpha\beta\epsilon\acute{\iota}\nu \epsilon\iota\zeta \acute{\epsilon}\nu$, усматривают характерную функцию способности мышления. Правда, не менее существенной кажется и другая функция, отмеченная наряду с первой Платоном, а именно, функция разъединения [Zertrennen] ($\tau\acute{\epsilon}\mu\nu\epsilon\iota\nu$) того, что даётся единым образом в созерцании. Однако остаётся открытым главный вопрос: что позволено нам объединять в нашем мышлении, что мы можем и должны там объединять? Ни общее понятие «функции единства», ни отдельные «формы синтеза» (категории) не дают нам для этого никакого руководства. Здесь действует известная теперь «трансцендентальная дедукция» и «схематизм» чистых понятий рассудка. Первое должно объяснить само право применения категорий к явлениям, а второе должно показать возможность или путь, на котором это может свершиться. Согласно нашему регрессивному плану, мы вначале рассмотрим второй момент — схематизм чистых рассудочных понятий.

1. (О схематизме). Согласно Канту, применение категорий к явлениям существует и управляется посредством схем, что значит, посредством пространства и времени, в которых упорядочиваются явления. Наиболее известным примером, который мы и здесь прежде всего имеем в виду, — это применение категории причинности, опосредствованное временной последовательностью. Если за одним событием регулярно следует другое, тогда вводится в действие, как бы запускается, именно эта категория. Мы говорим тогда не просто о субъективной связи, определённой случайным направлением силы воображения, но о связи объективной: это означает не что иное, как разговор о причинно необходимой связи, подчиняющейся правилам причинности.

В ответ на естественное в этой связи сомнение, уже высказанное Шопенгауэром, а именно, что день и ночь тоже ведь регулярно сменяют друг друга, но от этого мы не ставим их в причинно-следственную зависимость, защитники Канта замечают, что у него речь идёт не об отдельных явлениях, но об изменениях субстанций. А применение самого понятия субстанции уже разъясняется до этого Кантом. Поэтому мы можем, даже если тем самым мы только отодвигаем назад трудности [474] проблемы, ради максимально имманентной критики пренебречь указанным сомнением.

На ещё одно возражение Кант тоже уже ответил; имеется в виду возражение о том, что причина и действие, строго говоря, всегда выступают одновременно, так что в момент, когда налицо все условия какого-либо события, оно в тот же самый момент должно и наступать⁵. «Здесь следует, конечно, заметить, что все зависит не от течения времени, а от временного порядка: отношение [причины к действию] сохраняется даже в том случае, если не протекло никакого времени. Время между каузальностью причины и непосредственным её действием может быть ничтожно малым (так что они существуют одновременно), но отношение между причиной и действием все же остаётся определяемым по времени. Если шар, положенный на набитую подушку, выдавливает в ней ямку, то как причина этот шар существует одновременно со своим действием. Однако я различаю их по временному отношению динамической связи между ними. В самом деле, если я кладу шар на подушку, то на гладкой прежде поверхности подушки появляется ямка; если же на подушке (неизвестно почему) имеется ямка, то отсюда ещё не следует свинцовый шар»⁶ (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. С. 161. — *Прим. пер.*).

Но что желает тем самым Кант сказать: что мы различаем причину и действие посредством «временного отношения динамической связи»? Динамическая связь — это не времен-

⁵ Уже Декарт объявил это очевидным положением: «Lumen naturale non dictat ad rationem efficientis requiri, ut tempore prior sit suo effectui; nam contra, non proprie habet rationem causae, nisi quamdiu producit effectum, nec proinde illo est prior.» (Respons. ad primas objectiones, Meditat. 1685 p. 56).

⁶ Мы, пожалуй, должны здесь выразиться точнее в смысле самого Канта: «если же на подушке имеется ямка, и я кладу на подушку шар, то отсюда не следует её гладкая поверхность». Давление шара в соединении с прежней его поверхностью мы называем причиной, а его новая поверхность есть действие, и что как раз важно для Канта, временная последовательность этих обстоятельств или состояний остаётся необратимой.

ное отношение. Она ведь есть нечто такое, что мы ещё только должны взять из временного отношения регулярной последовательности.

Объяснение этого момента даёт, возможно, другое место кантовского сочинения, расположенное почти сразу после выше приведённого, т. е. там, где Кант подчёркивает, что всякий переход в новое состояние совершается во времени, и что всякая причина, действуя определённое время, производит в момент своего действия новое состояние посредством все меньших степеней. К этому можно ещё [475] добавить, что то, что мы в строгом смысле называем причиной, а именно, полную совокупность условий некоего состояния, тоже собирается лишь постепенно. С учётом обоих этих соображений, можно сказать, что причина предшествует действию: скопление условий предшествует действию и, в особенности, полному производству действия.

Если мы в силу данного истолкования не станем принимать во внимание и это возражение, тогда оно все же прямо ведёт к третьему возражению, которое я действительно без лишних разговоров считаю неразрешимым. Данное возражение меньше всего является новым, однако постоянно должно заново проговариваться.

Если столь резко, как Кант, разделять понятие причинности и понятие временного течения, тогда из этих понятий уже нельзя понять, почему только более раннее могло быть причиной более позднего, а не наоборот. Тогда можно было бы тоже без всяких логических затруднений предположить, что более позднее выступает причиной более раннего, или что вообще нет никакого устойчивого временного отношения между причиной и действием.

С категориями у времени общим является априорность, а с чувственными созерцаниями — наглядность. И благодаря этому время занимает хотя и срединное, но отнюдь не посредствующее положение. Это не даёт никакого основания для того, чтобы подводить [subsumieren] явления под категории. Резко, но небезосновательно, возражает против такой мотивировки Уберхорст: «Допустим, согласно нашему представлению о стакане, у этого последнего общим с листом дерева является зелёный цвет, а с воздухом — прозрачность». Можно ли теперь с помощью этого представления подвести листву под понятие воздуха?»⁷. Наконец, в лучшем случае из этого вытекала бы лишь применимость категорий вообще, а не это определённое отношение причинности к временной последовательности в противоположность к обратному отношению.

Единственным основанием, на которое можно было бы, приняв кантовские предпосылки, опереться при выведении этого определённого отношения, — это указанное постепенное накопление условий (пока причина не станет полной) [476], а также постепенный рост действия, начиная с первого момента деятельности. Однако оба эти момента суть, как мне представляется, эмпирические факты. И кажется невозможным вывести их из понятия причины и действия.

Однако из предпосылок критики разума невозможно сделать вывод о том, почему то же самое действие может производиться разными причинами, в то время как одна и та же причина всегда имеет только одно действие. Если последний тезис действительно даётся а priori вместе с понятием причинности, почему тогда не дан а priori первый тезис? Пример такой «последовательности» в рассуждениях можно найти у одного из именитых современных представителей этого учения: «Фактически мы все утверждаем, что вода вообще не может перейти в кипящее состояние, если этому не предшествует производство тепла, а огонь *в любое время должен* уже наличествовать, прежде чем может наступить кипение воды». Однако фактически *не* все мы это утверждаем. Вода может кипеть и без огня и тепла, к примеру, посредством уменьшения давления воздуха. Естественно, ничто не поможет, если это истолкуют таким образом, будто посредством уменьшения давления или благодаря нагреванию будет создано одно и то же определённое состояние молекул воды, которое потом регулярно имеет

⁷ Kant's Lehre vom Verhältnis der Kategorien zur Erfahrung (1878) S. 20.

своим действием кипение, так что это действие все же всякий раз производится посредством одной и той же причины. Ибо теперь указанное состояние молекул должно производиться посредством двоякого рода причин.

Аналогичное тому, что было сказано о понятии причинности, справедливо и для понятия субстанции. Возможно, обоснование применимости кажется здесь более убедительным, и это проистекает из того, что Кант с самого начала определяет субстанцию как нечто постоянное, неизменное, что включает в себя понятие времени. «Временем, которое само не меняется и остаётся, в явлении соответствует неизменное в существовании, и это есть субстанция, в отношении которой только и могут определяться одновременно существующее или последовательное по времени».

Или отличительную черту постоянства следует понимать в буквальном смысле (и тогда в понятии субстанции заключён временной отличительный признак, что совершенно противоречит сущности категорий), или постоянство нужно понимать в каком-то лишь переносном смысле, и тогда совершенно тщетным делом является доказательство подвоимости [Subsumierbarkeit] посредством простой аналогии.

[477] Ясно, что то же самое относится ко всем категориям. Это, стало быть, не есть путь или возможность для очевидного применения категорий к явлениям. Это применение могло бы основываться только на произвольном полагании или на непостижимом психологическом *принуждении*, но тогда мы оказались бы в фарватере полного скептицизма. Ибо слепое принуждение к связыванию явлений с понятиями, не утруждающее себя вопросом об их родстве, о прямой или косвенной предметной [sachlichen] связи между ними и не имеющее даже тени понимания оснований для их связывания, — без всего этого такое принуждение будет постоянно возбуждать вопрос о правомочии данной процедуры. Если бы критика познания сводилась к простой констатации таких психологических машин, тогда бы она сама, таким образом, переходила в психологизм наихудшего сорта. Против голого принуждения духовной организации, в чем, впрочем, некоторые (например, Альберт Ланге) усматривают суть кантовского учения, против такой «преформации чистого разума» Кант высказался довольно резко. «Я не смог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т. е. необходимо), но я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе, как только связанным таким образом. И это есть как раз то, что более всего желанно скептику; ведь тогда все результаты нашего познания ... есть чистая видимость, и не было бы недостатка в людях, которые не сознались бы в этой субъективной необходимости (которая должна быть прочувствована). По крайней мере, было бы невозможно с кем-либо спорить о том, что имеет своим основанием нечто лишь организованное его субъективностью» (Kehrbach's Ausg. S. 683). И все же при недостатке очевидных доказательств мысль неизбежно увлекается к такой преформационной системе, а значит, и к скептицизму. Если просто заявить: «Применение категорий описанным способом есть условие опыта; без него мы должны были бы отказаться от всего научного опыта», — то этого мало, чтобы убедить скептика. Отсюда он как раз сделает вывод: «Следовательно, мы должны отказаться». Если критик ссылается на то, что фактически все же имеется опытная наука, то скептику достаточно лишь выставить самого себя в доказательство того, что все-таки можно сомневаться в опыте в смысле допущения безусловно действительных природных законов. И наверняка такое сомнение обнаружит [478] свою неразумность не посредством сколь угодно обстоятельного выявления механизма тесно взаимосвязанных форм и схем, но только путём поисков *логических* средних членов, которые ведут к этим формам и схемам от результатов непосредственного познания. Не так называемое «*подтверждение*» [Nachweise] в смысле критиков, а только *доказательство* [Beweise] в обычном смысле логики может нам здесь помочь.

Тем самым мы уже находимся в лоне проблемы, которую Кант хотел решить посредством «трансцендентальной дедукции». Эта дедукция должна прояснить не вопрос о способе частного применения категорий, но показать вообще право на такое применение. Когда осно-

вание для такого частного применения не является доказуемым, и ненужным, если оно доказуемо, тогда это с самого начала кажется тщетной затеей. Однако и здесь я бы не преминул обозначить тот пункт, который мог бы образовать «критический» поворотный пункт в двойном смысле слова.

2. (О трансцендентальной дедукции). Вспомним те виды деятельности, которые Кант перечисляет под именем синтеза схватывания [Apprehension] в созерцании, воспроизведения [Reproduktion] в воображении и узнавания [Recognition] в понятии или в трансцендентальной апперцепции. Мы примем это перечисление просто как результат критического метода, не настаивая на психологической природе данных видов деятельности и на необходимости их психологической проверки. Как известно, эти виды деятельности, в целом, ведут (в лучшем случае) лишь к пониманию того, что в природе и в движении нашего познания заключена функция внесения связи в мир явлений, однако они не ведут к положению о том, что мир явлений присоединяется к этой связи.

Если мы спросим современного физика о том, почему он отождествляет свет и электричество, то он сошлётся на определённые особенности явлений. Вначале он считает себя вправе соотнести явления света и электричества, как они даются нам органами чувств, но с учётом интерференции, объективных волновых движений, а потом он отождествляет эти движения. Философ, сколько бы сомнений ни связывал он с понятием внешнего мира, ни в коем случае не должен упускать из вида, что *определённые* синтезы могут быть получены только посредством учёта особой природы явлений, а также их многообразных пространственно-временных комбинаций. [479] Но если во всех отдельных случаях определённые синтезы должны обосновываться при помощи определённых оснований, позаимствованных у самих явлений, тогда нам не нужно никакого обоснования а priori и в целом, да такое обоснование и невозможно. Здесь не утверждается: понятие естественного закона или возможность такового в целом основана исключительно в рассудке, а частные действующие естественные законы — в применении рассудка к явлениям. То, в чем основаны все специальные естественные законы, в этом же основано и общее понятие естественного закона, являющееся лишь абстракцией от частных естественных законов.

Таким образом, в данном нам материале явлений должны быть найдены решающие, логически очевидные основания всех синтезов. Понятия предмета, природы, природного закона являются (если воспользоваться схоластической формулой, неоднократно использованной в спорах об универсалиях) *entia rationis cum fundamento in re*; под «*res*» понимаются прежде всего явления, а потом, конечно, и объективные вещи, без которых, в свою очередь, нельзя понять явления.

В «трансцендентальной дедукции» ни одно из многих встречающихся там технических выражений и понятий не является столь необычным, как понятие *сродства* [Affinität] или «*ассоциируемости*» [Associabilität] явлений (см. 1-е изд. «Критики чистого разума»), из-за чего, согласно Канту, чисто случайная связь представлений отличается от той, которую мы высказываем как естественный закон. Явления, как ясно выражается Кант, — должны быть «*сами по себе ассоциируемы*». Правда (или, лучше сказать, к сожалению), он тут же добавляет: «Найти это основание можно не иначе как в основоположении всех знаний, которые должны принадлежать мне». (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. С. 512. — *Прим. пер.*). Кант совершенно противится тому, чтобы допустить сколько-нибудь существенную роль того, что нам чувственно дано. Именно в этом тщетном старании заключена, как мне кажется, конечная причина той неясности, которую читатели знаменитого кантовского сочинения обнаруживают особенно в этом его разделе.

Аналогичное выражение содержит [480] раздел, посвящённый синтезу узнавания, — с тем только отличием, что вместо явлений в качестве определяющего и дающего единство признаётся трансцендентный предмет. В этом разделе Кант обозначает предмет познания как нечто «противное тому, чтобы наши знания определялись не произвольно и как попало, [а со-

гласное с тем, чтобы они определялись]⁸ некоторым образом a priori». Однако сразу же Кант добавляет, что в случае обусловленного этим X единства речь может идти только о формальном единстве сознания в синтезе.

В этом почти тавтологическом выражении современные критицисты следуют за Кантом. Один из них, говоря о единстве апперцепции, выражает свои мысли следующим образом: «Мы можем познать о вещах только то, что мы сами в них вкладываем. Откуда берём мы даже то, что мы должны вкладывать в вещи, чтобы что-то узнать о них? Если мы отвечаем: из сознания, тогда мы мыслим сознание как совокупность средств и методов, которые и составляют указанное вкладывание»⁹. Не возвращаемся ли мы здесь просто в порочном круге? Мы берём то, что мы должны вкладывать в вещи, из совокупности методов, которые образуют это самое вкладывание.

Напротив, я думаю найти решающее проникновение в суть вопроса у другого, в целом весьма убеждённого последователя критицизма. Он различает в сознании «сознаваемость» [Bewusstheit] и содержание. «В сознаваемости как таковой не могло бы найти обоснования никакое единство, — вроде единства закона и тем самым единства предмета ... Сознаваемость лишь некоторым образом определяется посредством определённости содержания. Таким образом только содержание, причём с учётом его связи в каждом отдельном сознании, есть то, что даёт психическому факту или факту сознания их собственно позитивный смысл ... Поэтому фундаментально определяющими являются как раз объективные (содержательные) единства»¹⁰. [481]

На самом деле, является только половиной истины или даже меньше половины то, что без устали повторяет нам критицизм, а именно, что мы вносим порядок и закономерность в явления, что рассудок есть источник природы и её законов. Мы не можем принять односторонность этого утверждения, на основе которого потом отвергается участие психологии в деле теории познания. Но можно ли, в случае правильности этого утверждения, сделать из него с полным основанием такой вывод (ибо кто-то может захотеть сделать противоположного рода вывод),¹¹ — этот вопрос мы оставляем здесь без рассмотрения.

Но, вероятно, отныне надо показывать непосредственно на основаниях критицизма, каким именно образом пренебрежение психологическими исследованиями привело к выдвиганию тезисов, которые мы только что с самой теоретико-познавательной точки зрения признали односторонними и в этой их односторонности неосуществимыми. Речь идёт прежде всего о проходящем через все наши представления различии между материей и формой.

III. Материя и форма

Это различие Кант считает необходимым проводить не просто посредством противопоставления категорий и явлений, но также уже внутри чувственного восприятия, называя пространство и время, в противоположность чувственным качествам (цвету, звукам и т. д.), чистыми формами созерцания.

⁸ Таким вот образом с полным основанием дополняет Фолькерт кантовское выражение, противное правилам немецкого языка. (Kant's Erkenntnistheorie nach ihren Grundprincipien analysiert [Кантовская теория познания, рассмотренная в аспекте её основных принципов] S. 114–5). Фолькерт безусловно прав и в том, что под предметом X здесь следует понимать не категорию субстанции (как полагает Коген), а вещь саму по себе.

⁹ Cohen, Kant's Theorie der Erfahrung. 2. Aufl. S. 142.

¹⁰ Natorp, Einleitung in die Psychologie nach kritischer Methode (1888) S. 112 f.

¹¹ Как, к примеру, Виндельбанд (Windelband. Viertelj. Schr. f. wiss. Phil. I 247): «Категории действительны a priori для любого опыта, потому что они делают то же самое. Если этот аргумент является решающим, тогда и в этом пункте кантовское учение покоится на психологическом познании. Ибо то, что опыт имеет место благодаря категориям, — это можно познать только посредством психологического анализа. На самом деле ведь не вызывает сомнений и психологический характер этой дедукции и т. д.»

Как бы мы теперь ни настаивали на том, что данное различие было найдено и обосновано Кантом не в силу психологических соображений; что свои выводы относительно пространства и времени Кант называет «метафизическими размышлениями»; что решающий мотив этих размышлений заключается в возможности синтетических суждений а priori и в особенности математических знаний, — как бы то ни было: так [482] полученное знание должно выстоять испытание психологией. *Ничто не может быть истинным в теоретико-познавательном отношении и одновременно психологически ложным.*

По моему убеждению, указанное испытание уже было произведено. Отмеченное выше различие с психологической точки зрения является совершенно несостоятельным. Более того, оно даже было в значительной мере вредным для прогресса исследований, причём вредным и во всех других областях, на которые оно переносилось. Ибо так называемая формальная логика, этика, эстетика, — все они связаны в своей бесплодной односторонности с этим теоретико-познавательным различием.

Все, о чем мы вообще думаем и говорим, именно в тот момент, когда мы об этом думаем и говорим, является eo ipso содержанием нашего сознания. И поскольку критицизм не желает развивать учение о бессознательном, а геометрия, возможность которой ещё должна быть объяснена, тоже имеет дело с пространством как осознанным представлением, постольку пространство, время, причинность и т. д. должны, без сомнения, считаться в этом самом широком смысле *содержаниями* сознания¹². И если тем не менее эти содержания в качестве форм отличаются от материи представления, тогда это отличие должно пониматься внутри содержаний сознания.

Далее, с давних пор различаются абсолютные и относительные содержания (представления отношения [Verhältnissvorstellungen]), и уже Тетенс подробно обсуждал этот вопрос. Однако указанное различие не вполне совпадает с кантовским. Скорее, Кант называет «материей» чувственные качества, например, твёрдость, цвет, а «формой», напротив, «то, благодаря чему [483] многообразное явлений может быть упорядочено в определённые отношения». (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. С. 48. — *Прим. пер.*). Так, многие цвета могут являться в различных пространственных и временных порядках. Сразу же видно, как это понятие формы как организационного принципа явлений можно применить и к категориям. Это понятие охватывает отношения, как, например, причинность; оно охватывает также пространство и время, которые нельзя причислить к одним только отношениям.

«То, благодаря чему ощущения (многообразное явлений) упорядочиваются в отношения, само, в свою очередь, не может быть ощущением». При помощи этого тезиса впервые в «Критике чистого разума» вводится разделение и противоположность материи и формы. Поэтому, делается далее вывод, хотя материя всех явлений дана нам a posteriori, форма для них целиком должна a priori находиться готовой в душе, а потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения. Далее, Кант подчёркивает также, что от представления о теле можно абстрагировать все, что относится к ощущению (твёрдость, цвет) и все же сохранить при этом протяжённость и образ [Gestalt]. Тем самым он, к примеру, имеет в виду не простое

¹² Кант выражает это не всегда одинаковым образом. Неоднократно он говорит о формах как чистых [blossen] условиях созерцания или как о возможностях, которые как таковые совершенно не могут быть представлены в себе самих. (Ср.: Cohen а.а. О. 152: «Эта возможность в явлении ... это потенциальное отношение называется формой».) Но теперь, полагает Кант, эти возможности могут быть подняты до содержаний сознания и стать зримыми. Тогда как раз они не являются больше формами в прежнем смысле слова. Но все же и в этом случае они называются не просто созерцаниями, а также формами созерцания. Более того, и те рассуждения, посредством которых Кант желает объяснить пространство и время в качестве таковых форм, относятся с очевидностью к пространству и времени как содержаниям сознания. Можно было бы спросить, *что*, в принципе, может быть общего между тем, что мы знаем как пространство и время, и как можно вообще это описать? В любом случае, Кант и в тех местах, которые мы в дальнейшем будем иметь в виду, говорит о пространстве, протяжении, образе и т. д. как о *представленных* формах. Он даже утверждает, что эти формы могут представляться и сами по себе, в обособленном виде.

различие в способе абстрагирования: ибо таковое имеет место и тогда, когда мы отличаем качество от интенсивности, хотя и то, и другое относится к содержанию, к ощущению.

Здесь у психологии появляется возможность высказать свое слово и, сразу же добавим, свое возражение. Современные нативисты и эмпиристы, как бы ни расходились они между собой в теории пространственного представления, все же полностью единодушны в том, что невозможно представить пространство, протяжение, образ без какого-либо чувственного качества. Мне вообще известен только один единственный автор, который ещё открыто занимает кантовскую позицию в этом вопросе и приписывает себе способность представлять квадрат на каком угодно фоне как полностью бесцветный (даже [484] не как чёрный, серый или белый)¹³. Как это может происходить, если контуры квадрата не выделяются, по крайней мере, благодаря различию по яркости, на каком-либо светлом или тёмном фоне, сказать трудно. И не нужно ли тогда и движение научиться представлять без участия каких-либо чувственных качеств? Ведь движение, согласно самому Канту, предполагает «нечто эмпирическое», т. е. ощущения (Kehrbachs Ausg. S. 66). Движение есть перемена места, фигура есть целое различий места. Подобно тому, как перемены места в зрительном образе (включая и зрительный образ фантазии) не представимы вне какого-то качества, меняющего свое место, так и различия места представимы не иначе, как в виде качеств, которые занимают различные места.

Не один только Юм или Беркли,¹⁴ но также современник Канта, Платнер, как бы мало он ни был, в целом, сравним с Кантом по философской глубине и остроте, в этом пункте все же занимал более правильную позицию. В первом томе своих «Философских афоризмов», вышедших за несколько лет до «Критики чистого разума», Платнер показывает (S. 244), что идея протяжения как зрительное представление неразрывно связана с идеей цвета.

То обстоятельство, что цветовые качества упорядочиваются в пространстве, что одни и те же качества могут являться нам в различном пространственном порядке, ещё не обосновывает отделения пространства от всего содержания ощущений. Качества являются нам и с изменчивой [485] интенсивностью, так что несколько качеств могут одновременно проявляться с неравной интенсивностью, и все же интенсивность дана в качествах и вместе с качествами во всем содержании ощущений, причём дана и как момент содержания, и как само качество.

¹³ O. Liebmann, Zur Analysis der Wirklichkeit 2. Aufl. S. 234.

Коген обвиняет меня (а. а. О. 105) в искажении кантовской мысли в моей работе «О психологическом происхождении пространственного представления», где я высказал вышеупомянутое возражение. Кант, — заявляет Коген, — говорит о «предметах», которые можно абстрагировать из пространства, а я, напротив, — о цветах. Очень может быть, что в другом месте Кант говорит о *предметах*, однако именно в том месте, против которого направлено моё возражение, и которое я дословно цитирую, но которое Коген, правда, при цитировании моего возражения указывает только точками, — так вот, в этом самом месте Кант пишет следующее о *цветах*: «Когда я отделяю от представления о теле все, что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость и т. п., а также все, что принадлежит в нем к ощущению, как-то: непроницаемость, твёрдость, *цвет* и т. п., то у меня остаётся от этого эмпирического созерцания ещё нечто, а именно *протяжение и образ*. Все это принадлежит к чистому созерцанию, которое находится в душе а priori также и без действительного предмета чувств или ощущения, как чистая форма чувственности». (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 49. — *Прим. пер.*) Нельзя яснее этого выразить мысль о том, что мы не в состоянии представить протяжение без цвета.

Можно, конечно, было бы поспорить о том, обоснованно ли привлёк я указанное место кантовского сочинения к толкованию другого его места, где Кант утверждает: «Никогда нельзя представить себе то, что не было бы пространством, хотя вполне можно помыслить отсутствие предметов в нем». (Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. С. 50-51. — *Прим. пер.*) С одной стороны, я и сегодня считаю правильной эту интерпретацию последнего приведённого места из Канта при помощи первого, приведённого выше. Ведь и в первой цитате речь сразу же заходит о предмете: «без действительного предмета чувств или ощущения», но и без того очевидно, что во второй цитате под предметом может подразумеваться только эмпирический предмет, т. е. комплекс ощущений. Однако с другой стороны, это — отдельный вопрос, и позиция атакованного мной кантовского утверждения совершенно ясна, как ясна и её объективная ложность.

¹⁴ См. приведённые места на с. 24 упомянутого выше сочинения.

В целом, из содержания ощущений могут заимствоваться самые разные принципы упорядочения. Не только пространство и время, но также система звуковых и цветовых качеств, система интенсивностей, яркостей, степени насыщения и все прочее, что различается в явлениях, — все это образует, согласно современному выражению, множества одного или нескольких измерений. Эти множества даже до известной степени допускают применение математических способов рассмотрения, однако речь при этом не идёт о простом перенесении пространственных аналогий. Местоположения, система которых образует пространство, суть лишь особый класс множеств.

Можно также, далее, непрямым способом показать, что указанное отделение не выполнимо. Если бы местоположение и время, пространственное и временное протяжение, пространственный и временной порядок не были бы даны в общем содержании нашего чувственного восприятия, аналогично интенсивности, и не были бы связаны с качественным моментом, тогда у нас никогда и нигде не было бы оснований для того, чтобы их туда привнести.

Мы воспринимаем различные чувственные качества не в неизменном протяжении и не в неизменных точках, но с постоянно меняющимися пространственными определениями. Кант, как уже заметил Герbart, оставил без внимания вопрос об основании *определённых* локализаций. Эти пробелы пытался заполнить Лотце. Он, правда, вместе с Кантом допускал аргюги «уже находящимся» принуждение к пространственным созерцаниям, однако определённые меняющиеся локализации самих по себе непространственных и неупорядоченных качеств он считал обусловленными так называемыми локальными признаками. Под этими последними он понимал чувственные качества иного рода. Они-де должны как мускульные ощущения глаза помочь нам в локализации прежде всего непространственных цветовых ощущений. Эта теория, однако, обнаружила свою несостоятельность уже потому, что тонкость и точность этих мускульных ощущений далека от тонкости и точности оптических локализаций, и как раз те впечатления, которые допускают наиболее чёткое пространственное [486] различие, а именно, различие сетчатки, одновременно воспринимаются и локализируются рядом друг с другом без всякого движения.¹⁵ Ведь очевидно, что локальные признаки в смысле Лотце вообще ничем не могут помочь, даже если вместо мускульных ощущений действует какой-нибудь иной вид качеств (а попытки такого рода предпринимались неоднократно, но постоянно прекращались), или когда ограничиваются чисто абстрактным постулатом о таких вспомогательных ощущениях. Как раз во всех этих случаях у нас имеются в восприятии одновременно две суммы качеств: сумма цветов и сумма вспомогательных ощущений, и отсутствуют основания, по которым мы могли бы определить, каким образом эти суммы соподчиняются, и как соотносятся члены обеих этих множеств. Для этого нужно было бы опять постулировать знаковую систему и так далее до бесконечности¹⁶.

¹⁵ См. мою работу: «Ursprung der Raumvorstellung [Происхождение пространственного представления]» S. 97 f., а также: Th. Lipps: «Psychologische Studien» S. 19.

¹⁶ Когда Лотце сравнивает локальные признаки с этикетками, благодаря которым можно восстановить библиотеку, то это, скорее, соответствовало бы предпосылкам теории о том, что этикетки как бы в несвязном виде рассыпаны в книжных ящиках (ибо какая связь есть между разнородными качествами?): Таким образом, указанное сравнение служит лишь тому, чтобы ещё ярче осветить слабый пункт аргументации Лотце.

Я заметил (а. а. О. S. 19), правда, лишь относительно двигательных ощущений, что в случае, когда мы спокойным взором воспринимаем окрашенную поверхность, где, по Лотце, должно возникать «уже до этого соответствующее ассоциированное» ощущение движения в качестве локального признака, — что в этом случае отсутствует репродуктивный момент, который мог бы делать ассоциацию действенной. В вышеуказанной форме возражение в адрес теории Лотце было в последнее время выдвинуто Ф. Brentano (в лекциях) и Рейнхольдом Гейгером в «Философском журнале» (Philosoph. Monatsheften XXI 1885 S. 543 f.). Но последний считает невозможной реабилитацию этой теории посредством вспомогательных допущений. Апперцепция цвета может быть на уровне центральной нервной системы связана с усилением оптического возбуждения, посредством чего в дальнейшем может быть немного усилен уже наличный импульс движения. Только вот чем помогли бы нам эти физиологические механизмы? Мы имели бы тогда именно сумму более сильных цветовых ощущений и сумму

Некоторые, основываясь на специфических энергиях нервных волокон (зрительных или тактильных), понимают под сохранением впечатления локальные признаки, среди которых содержательные, хотя и бессознательные, определённости самого соответствующего [487] ощущения (зрительного или тактильного)¹⁷. Но тем самым осуществляется полный отказ от исходного понятия и от кантовской основы, от разделения материи и формы.

Аналогичным образом следовало бы рассуждать и о времени. Темпоральные признаки были бы необходимы для того, чтобы подсказывать нам, какое чувственное содержание следует полагать раньше, а какое — позже, и т. д. Конечно, нельзя просто возразить на это, сказав, что любое качественное впечатление сопряжено как раз с тем моментом времени, в котором оно воспринимается. Ибо ведь сами по себе качества должны быть вневременными, а временными они становятся только посредством соединения и расположения.

Правда, бывают случаи, когда пространственную величину или положение, а также продолжительность и положение во времени, мы не *воспринимаем* [wahrnehmen] в чувственных содержаниях, которым мы приписываем эти определения, а только *принимаем как допущение* [annehmen] при наличии определённых оснований. К примеру, когда по голубоватой окраске гор мы устанавливаем их удалённость от нас, а по сильной конвергенции глаз — при фиксации объекта — его пространственную близость, или когда по смутности воспоминаний мы судим о степени отдалённости во времени соответствующего события. Эти основания для допущений можно было бы назвать локальными (темпоральными) признаками в самом подлинном, хотя отнюдь не первоначальном смысле этого слова. Но ясно, что их употребление уже предполагает первоначальные пространственные и темпоральные ощущения. Из таких критериев не может *образоваться* пространственное представление и пространственное расположение, равно как и временная последовательность зрительных впечатлений.

Даже для классификации и расположения *интенсивностей*, — в связи с чем ощущения какого-либо органа чувств меняются от самых слабых до самых сильных, а определённое ощущение каждый раз занимает определённое место в ряду интенсивностей, равно как и несколько ощущений различной силы могут быть одновременно даны одному и тому же органу чувств, — даже для этого потребовали аналоги локальных признаков. И это, конечно, является логичным, даже если авторы таких гипотез могли не осознавать их происхождения из кантовского учения о форме. Однако проблема, которую мнят здесь решить, незамедлительно возвращается снова: чтобы быть основанием для образования рядов и расположения, признаки должны [488] всегда уже составлять ряд, и положение каждого из них в ряду должно быть различимо для сознания. Таким образом, если в каждом рядообразовании и расположении заключена проблема, которую можно решить только посредством допущения системы признаков, тогда это уходит в бесконечность. Где-то в ощущениях, непосредственно вместе с ними, должен быть все-таки дан их порядок в качестве имманентной особенности.

Наконец, аналогичное имеет силу и для тех «мыслительных форм», которые Кант противопоставляет материи ощущений, *понятиям отношения*. Сами пространство и время суть не просто отношения, но только основания определённых отношений, а именно, пространственных и временных, — подобно тому, как интенсивность и качество являются осно-

более сильных (гипотетических) ощущений движения, но психологически оставалось бы необъясненным, как эти более сильные ощущения соотносятся друг с другом, как это было ранее неясно в случае более слабых ощущений. Позднее Хёфдинг (Там же, XXIV S. 426) ради решения этой трудности просто отверг возможность локализации симультанных впечатлений, а их кажущееся одновременным расположение свёл к их последовательному расположению, легко возникающему путём упражнения. Но помимо того, что темпоральное единство на кантовской основе уже и без того повлекло бы за собой трудности, является к тому же ещё непровержимым экспериментальным фактом, что и при исключении всех движений, как, например, в случае моментального освещения электрической искрой, мы воспринимаем пространственное распределение зрительных впечатлений. Поэтому нам представляется, что Хёфдинг вообще не понял вышеуказанную трудность. В его психологии (см. немецк. изд-е: 1887 S. 252–3) этот вопрос совершенно остаётся без внимания.

¹⁷ См., к примеру, Ауэрбах и ф. Крис в: Dubois-Reymond's Archiv f. Physiol. 1877. S. 342, 349.

ваниями для отношений интенсивности и качества. Однако и в случае так называемых чистых понятий отношения, к примеру, единства и множества, работает принцип, согласно которому множество должно быть не чем-то привходящим к чувственно воспринятым звукам или цветам, но должно уже в них быть как-то дано. Правда, и здесь можно при случае заключать из признаков к наличному в ощущениях множеству, которое, однако, нельзя сразу же и распознать. Но посредством таких множественных чисел также ещё нельзя создать множество; и где-то оно должно познаваться непосредственно¹⁸.

Так же обстоит дело с аналогией или равенством — понятиями, которые Кант не включил в таблицу своих категорий (но мы оставим здесь без рассмотрения вопрос о том, позволяют ли эти понятия подводить себя под категорию единства). То, что средний тон более сходен с низким тоном, чем высокий тон, должно заключаться в их собственной природе, принцип порядка должен быть им имманентен. И здесь были предприняты попытки, аналогичные со случаем пространства: были привлечены к делу мускульные ощущения, чтобы вывести отсюда порядок тонов. И снова надо признать, что во многих случаях такие [489] сопроводительные ощущения служат в качестве вспомогательных критериев. Однако порядок познаваем и непосредственно, и если бы он таковым не был, тогда было бы невозможным и любое не прямое познание¹⁹.

Точно также обстоит дело с причинностью и другими категориями. То, что Кант называет схемой, на самом деле является не чем иным, как такой системой признаков, к которой относятся причинные и субстанциальные признаки. Так, именно данное выражение использовал для этого и один из современных авторов²⁰. Лотце едва ли думал о том, что со своей теорией локальных признаков он перенёс проблему схематизма понятий чистого разума на чистые созерцания. В действительности схематизм является здесь таким же принудительным требованием учения о формах, как и там.

И в случае причинности следует признать, что, конечно, не везде, где мы её *принимает как допущение*, мы также и *воспринимаем её* в явлениях. В таких случаях должны посредничать опять-таки вторичные критерии, поиск и точная формулировка которых составляет одну из главных задач теории познания. Но где-то здесь должно иметь место и непосредственное восприятие, ибо в противном случае у нас не было бы прототипа для перенесения; и нигде в другом месте не может быть воспринято отношение, как только в содержаниях и вместе с содержаниями, находящимися в отношении. Если понятие причинности врождено нам (в каком бы то ни было смысле), тогда вместе с этим понятием должны быть врождены и содержания, отношение которых мы как раз постигаем и мыслим как понятие причинности. Если же это понятие приобретается (в каком бы то ни было смысле), тогда опять-таки одинаковым способом, в том же самом смысле должны приобретаться и соответствующие абсолютные содержания. В обоих случаях постижение отношения есть вид восприятия [*Wahrnehmung*], или, если хотят говорить о восприятии только в случае абсолютных содержаний, есть вид «замечания» [*Bemerken*], которое аналогично восприятию как различению [*Wahrnehmen*].

Оглянемся назад. Отделение формы от материи в кантовском смысле не оставляет нам никакой возможности для того, чтобы предикатировать форму материей, чтобы обозначать определённые впечатления как находящиеся здесь или там, как множество, как действия и

¹⁸ Когда я говорю, что множество дано в самом чувственном впечатлении, то это, конечно, нельзя понимать в точно таком же смысле, как и в случае других отношений, к примеру, в отношении подобия. Множество как таковое мы не можем постичь без рефлексии об объединяющем акте, тогда как подобие для своего восприятия не предполагает аналогичную рефлексию. См. об этом: гуссерлевскую «Философию арифметики» (1891), в особенности S. 70 f. Однако здесь мы все же можем абстрагироваться от этого различия. Мы должны именно по самому абсолютному содержанию, что нам даётся, замечать, включает ли оно множество, и никакие «признаки» не могут нам заменить этого непосредственного восприятия.

¹⁹ См. об этом (а также о признаках интенсивности и множественности) размышления, цитируемые в моей «Психологии звука» под рубрикой «Признаки» и т. д. в регистре 2-го тома.

²⁰ R. Falckenburg, *Geschichte der neueren Philosophie* S. 277.

т. д. Это отделение столь же невыполнимо, как и онтологическое отделение формы от содержания [490] у Аристотеля и схоластов; причём нельзя сказать, что между онтологическим и гносеологическим отделением формы от содержания нет никакой связи (См. Приложение № 1). И это гносеологическое отделение, как и онтологическое, причинило вред своими многочисленными теориями, которые основывались на возникающей из-за этого мнимой проблеме²¹.

Ссылкой на самое существенное в исследованиях (как моих, так и чужих), проведённых в другом месте, я стремился подтвердить здесь, что психология способна доказать несостоятельность этих теорий признаков, а тем самым — и разделения формы и содержания в наших представлениях, этого якобы установленного «критическим методом» результата. И если это действительно так, тогда нет нужды говорить о том, что психологические исследования совершенно необходимы для теоретика познания.

На долю психологии, как и прежде, выпадает сейчас позитивная задача на службе теории познания: все более точно выяснять происхождение пространственных и временных представлений, но прежде всего — представлений отношения. В случае этих последних речь идёт о том, чтобы найти те содержания восприятия (все равно, будет ли оно так называемым внешним или [491] внутренним), в которых может быть схвачено такое отношение, и чтобы посредством тончайшего разложения данного сделать возможным абстрагирование отношения от прочего содержания восприятия. Причём нельзя исключить, что такое понятие отношения, как причинность, состоит из нескольких составляющих его понятий отдельного происхождения. Только посредством разложения «впечатлений» [Impressions] приходим мы к последним элементам понятий, с которыми мы управляемся в обычном мышлении, к элементам, которые потом по мере надобности различным образом комбинируются в научном мышлении. Так, могут возникать целые науки посредством разложения комплекса, до того считавшегося неделимым. Примеры такого рода даёт прежде всего история математики. Конечной целью этой психологической работы (хотя и не всегда выполняемой только психологами) стала бы генетическая классификация простейших понятий отношения. Она будет значительно отклоняться от таблицы категорий, полученной «критическим» путём. В особенности следо-

²¹ Я, конечно, не хочу сказать, что нельзя было бы придать выражениям «материя» и «форма» (если уж непременно должны быть сохранены эти *слова*) какое-либо значение, совместимое с психологией, хотя и не вполне совместимое с обычным словоупотреблением. Я не стал бы также утверждать, что между пространством и временем, с одной стороны, и чувственными качествами — с другой, вообще нет никакого различия. Однако мне кажутся неудачными попытки, сделанные с целью зафиксировать в близком кантовскому учению смысле указанное двойное противопоставление.

К примеру, к гельмгольцевской попытке спасти пространство (Tatsachen in der Wahrnehmung S. 14 f.) я не могу присоединиться уже потому, что в силу многочисленных новейших исследований мне представляется окончательно необоснованным предположение об иннервативных ощущениях [Innervationsempfindungen], т. е. о восприятии двигательных импульсов в образе ощущений, на что опирается новое истолкование Гельмгольцем кантовского учения.

В своей «Системе философии» (S. 109 f.) Вундт делает сходную попытку, указывая на то, что пространственные и временные свойства не могут изменяться в нашем представлении без изменения качеств, хотя последние вполне могут изменяться без изменения указанных свойств. Вундт отмечает также, что качества при постоянной пространственной и временной форме могут варьироваться как угодно, тогда как этого нельзя сказать о форме при постоянных качествах. (См. об этом также в статье, опубликованной после выступления в Академии с соответствующим докладом: «Was uns Kant nicht sein kann». Philos. Studien VII, 1). Однако фактически локальный и темпоральный моменты столь же независимо изменчивы, как и качественный момент (противоположный взгляд основывается как раз таки тоже лишь на чисто гипотетических иннервационных восприятиях или прочих «локальных признаках»). И фактически при постоянном качестве впечатлений пространственное и временное расположения могут также по любому варьироваться, как и наоборот, при постоянстве пространственного и темпорального моментов может как угодно варьироваться качество впечатлений. Мы можем одни и те же шесть цветов представлять в самых разных пространственных отношениях, а одни и те же шесть тонов — в самых разных временных отношениях (включая частичную или тотальную одновременность).

вало бы учесть те многочисленные отношения, которые имеют место между частями целого, ибо мы в очень разном смысле говорим о частях. Однако мы ещё очень далеки от этой цели.

Тетенс именно эту задачу ставил энергичнее всех других психологов прошлого столетия, даже энергичнее, чем большинство психологов до и после него. Поскольку историческая оценка заслуг этого исследователя тесно связана с нашей темой (см. Введение), а с другой стороны, её рассмотрение нельзя прерывать чисто историческими отступлениями, постольку мы хотим самое существенное из его учения, касающееся нашей темы, собрать в Приложении (2 а).

Критицисты, стремясь оставить за категориальными списками Канта независимый от всей психологии смысл, теперь обычно придают значение тому, что этим совершенно ничего нельзя сказать о происхождении пространственных, временных, причинных и др. представлений. Кант, — утверждают критицисты, — в столь малой степени является приверженцем врождённой или в каком-либо ещё смысле первоначальной природы пространства, что, скорее, с кантовскими предпосылками вполне согласуется постепенное приобретение этого представления по принципам современных эмпиристов. В этой связи ссылаются на известное место из кантовского возражения [492] Эберхарду. «Критика совершенно не допускает никаких прирождённых или врождённых представлений; все представления, независимо от того, относятся ли они к созерцанию или к понятиям рассудка, она рассматривает как благоприобретенные». Априорное, утверждают критицисты, — имеет лишь теоретико-познавательное (трансцендентальное) значение, оно должно лишь делать понятной возможность научной геометрии, вообще объективной, т. е. всеобщей и необходимой связи представлений (науки). По мнению критицистов, Канту важно не то, как *возникают* в нас пространство, время, причинность, но то, что они *дают* или означают для научной практики. Только такое а priori возбуждает интерес критициста. Поэтому его совершенно не заботит то, врождены или нет указанные представления²².

Я должен вначале ещё раз отметить, что сколько бы ни была малоинтересной с психологической точки зрения постановка вопроса для самого автора, все же она не может избежать психологической проверки. Ведь всегда должны будут спрашивать, каким образом понимание пространственного представления, кажущегося критицисту единственно целесообразным, совместимо с психологическим исследованием.

Теперь мы наверняка не можем приписать Канту, будто он позволяет пространству присутствовать в сознании до восприятий чувств, хотя это само по себе должно бы быть возможным после того, что мы слышали от Канта относительно отделимости качеств от протяжения. Однако Кант чётко заявляет, что все наше познание начинается с опыта (что равносильно здесь восприятию).

С другой стороны, мне кажется также не соответствующим духу Канта, когда его причисляют к эмпиристам в нынешнем смысле или хотя бы только считают его воззрения совместимыми с эмпиризмом²³. Приобретение всех представлений, о которых он говорит в вышеприведённом месте, является, как видно из контекста, не тем приобретением, как его предполагает эмпирист в случае пространственного представления, но «изначальным приобретением»: формами, которые даны (врождены) только по своей возможности, и которые становятся действительными в сознании только в связи с чувственными впечатлениями. Но мнение о том, будто пространство постепенно составляется или возникает в сознании [493] из различных чувственных восприятий, и что будто изначальным сознанию даны только качества без всякого пространственного расширения и расположения, — это мнение прямо противоречит кантовским предположениям, согласно которым пространство и время суть просто формы всех чувственных явлений.

²² См.: Cohen a. a O. S. 255 u. ö.

²³ Cohen S. 203. Riehl, *Kriticismus* S. 7, 373 (Anm.).

В отношении пространства и времени, как и в отношении категорий, Кант совершенно недвусмысленно объявляет *абсолютно напрасным трудом* попытку «эмпирической дедукции, указывающей, каким образом понятие приобретаетс^я благодаря опыту и размышлению о нем» (Kehrb. S. 104). (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. С. 93. — *Прим. пер.*). По Канту, можно отыскать только случайные причины возникновения такого рода понятий, «тогда впечатления, получаемые от чувств, дают первый повод к раскрытию всей познавательной способности в отношении их». (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. С. 93. — *Прим. пер.*). Однако современное эмпиристско-психологическое учение о пространстве желает отыскать не случайные причины, а элементы пространственного представления во впечатлениях чувств.

Какое-либо утверждение о психологическом происхождении форм созерцания и мышления Кант определённо высказал, да и хотел высказать, с помощью а priori. Имеется в виду не просто утверждение о значении этих форм для познания. Кант хочет сказать и довольно часто говорит, что формы эти, будучи априорными понятиями, не подлежат анализу и не даны посредством чувств в качестве содержаний восприятия²⁴. Это отрицание анализируемости тоже есть психологическое утверждение. И оно так мало является очевидным, что большинство представителей психологии и физиологии считают его ложным в отношении пространства, тогда как другие (нативисты) считают ложной другую часть учения, а именно, утверждение о том, что пространственное представление не дано нам посредством чувств. Во всех случаях мы имеем здесь ещё одно доказательство того, сколь необходимы более точные психологические определения. Теперь уже просто невозможно избежать почвы психологии, как бы ни был направлен интерес исследователя на высоты критики познания. Пренебрежение психологией, — вопреки распространённому мнению, будто оно составляет лишь несущественную, периферийную черту кантовской философии, — на самом деле является её главным недостатком. [494]

IV. Понятие естественной необходимости

Ещё один шаг назад, в сторону разложения основ критицизма, ведёт к его главному корню, к понятию и требованию строгой и предметной [sachlichen] (объективной) необходимости относительно принципа привычки, которому Юм подчинил весь наш опыт, включая опыт науки. Привычки наших представлений и мыслей, — справедливо утверждает Кант, — не являются объективной необходимостью. И добавляет: эти привычки, а с ними и опытное научное познание, можно только тогда спасти от скептицизма, когда сами предметы опыта происходят из рассудка. Рассудок должен быть именно таким, чтобы посредством своей собственной имманентной закономерности он мог создавать закономерность вещей. С этим уже связано понятие синтетическо-априорного суждения, с которого начинается изложение (а не историческое развитие) кантовских идей, а также различие формы и содержания, и все прочее.

Вопрос здесь состоит не просто в происхождении понятия причинности, а в более общем понятии естественной необходимости, ибо существуют ведь и другие понятия в качестве причинных законов (законы так называемого сосуществования [Coexistenz]), которые вряд ли можно свести к причинным законам.

Психологический вопрос есть вопрос о происхождении понятия необходимости. Это понятие, как и понятие истины, вероятности и сходных предикатов, пожалуй, тоже надо будет трактовать как абстракцию из сферы суждений. Если мы захотим кому-либо, так сказать, ad oculos продемонстрировать понятие необходимости, то мы попросим его представить себе закон тождества или положение о том, что целое больше части, или другие подобного рода положения. Однако необходимыми мы называем в этом случае суждения не в их качестве пси-

²⁴ В смысле своей концепции Коген тоже ясно говорит о «психологическом анализе недоступных, что значит, признаваемых априорными, элементах сознания» (74).

хических процессов, но с учётом того, что в них утверждается: к примеру, именно большую величину целого по отношению к части и т. д. Речь идёт не о том (хотя это тоже не отрицается), что такие *процессы* суждения с необходимостью должны наступать при данных психических условиях, но о том, что такая *материя*, независимо от того, кто, когда и при каких обстоятельствах высказывает о ней суждение, может в силу её *собственной внутренней природы* расцениваться именно так, а не иначе. Необходимость, стало быть, есть [495] прежде всего свойство определённых содержаний суждения, именно так называемых необходимых истин, и абстрактное понятие необходимости возникает, поэтому, посредством размышления над этими содержаниями. Это понятие не абстрагировано из внешнего мира или из психических состояний как таковых; не добавляется оно к материи и в качестве «априорной формы». Но оно имманентно определённым содержаниям и не может быть отделено от них никаким другим способом, кроме как посредством понятийной абстракции²⁵.

Некоторые возразят: не необходимые истины лежат в основе понятия необходимости, а наоборот: это понятие должно уже наличествовать, чтобы были произведены необходимые суждения.

Такое возражение было бы недоразумением. Конечно, когда теоретик познания делит суждения на необходимые и не являющиеся таковыми, развивая теорию обоих этих суждений, он должен уже располагать понятием необходимости, как и понятием суждения. Но чтобы *произвести* какое-то суждение, он в этих понятиях не нуждается. То, что яблоко есть яблоко, — это понимается и без того, чтобы иметь до этого или во время этого понятие необходимости как таковое. На самом деле оно возникает лишь посредством размышления [Reflexion] над такого рода суждениями, уже наличными в сознании²⁶.

Из понятия мыслительной необходимости в упомянутом выше смысле мы формируем теперь понятие естественной необходимости. И здесь начинается собственная задача теории познания. Она показывает, что можно [496] сделать из указанного понятия и что побуждает нас к искусственному образованию и оправдывает его.

В предложении «тело должно падать в пустом пространстве» слово «должно» наверняка не следует понимать в том лишь смысле, что «мы привыкли видеть тело падающим в пустом пространстве». Это слово не означает также лишь фактическое отношение, как оно, к примеру, выражается в предложении «Высота Монблана составляет 4810 м». Если мы и этот факт рассматриваем как следствие действующих с естественной закономерностью сил, тогда мы выводим его все же не из всеобщих законов самих по себе, а только в связи с более ран-

²⁵ Мы можем оставить здесь без рассмотрения вопрос о том, являются ли источником понятия только аналитические суждения или ещё и синтетические. Далее, мы не будем рассматривать, является ли необходимость положительным или отрицательным понятием (невозможностью противоположности), и если отрицательным, то содержит ли оно тогда все же положительную часть, о которой можно было бы сказать то же, что было сказано выше. Наконец, мы оставим без подробного обсуждения вопрос о том, нужно ли причислять абстракции описанного типа к «психологическому» или «внутреннему» восприятию в обычном смысле, или, скорее, следует различать между собой восприятия состояний как таковых и восприятия содержания [des Inhaltes (Gehaltes)], а именно, оценённого, желанного и т. д. содержания. Посредством различения и признания этого направления восприятия, возможно, исчезнут некоторые недоразумения относительно психологизма. Также исторически некоторые вещи только тогда можно понять лучше. Если рассмотреть примеры «врождённых идей» у Декарта и Лейбница, под которыми ведь, в конце концов, подразумевались именно идеи, данные посредством внутреннего восприятия, тогда можно обнаружить, что у названных философов эти два класса идей перемешаны друг с другом. (Desc. Med. III: res, veritas, cogitatio. Leibniz Erdm. P. 223: etre, substance, un, meme, cause, perception, raisonnement). Кант не без основания считал идеи бытия, тождества и пр. в том же самом смысле невыводимыми из психологического восприятия, что и идеи представления [Vorstellen], заключения [Schliessen], хотения [Wollen]. Однако Кант безосновательно причислял их по этой причине к априорным формам.

²⁶ Здесь действует аналогичное тому, что имеет силу в случае понятия существования. См.: Brentano, Psychologie I, 279. Marty, Viertelj. Sch. f. wissensch. Philos. VIII, 171 f. Hillebrand, Die neuen Theorien der kategorischen Schlüsse S. 27 f.

ними и опять-таки чисто фактическими «расположениями» [Collocationen]. Таким образом, это различие не позволяет себя элиминировать²⁷.

Если теперь у нас нет никакого другого первоначального понятия необходимости, кроме понятия логической необходимости, тогда и здесь это понятие будет играть какую-то роль. И так как мы в самих явлениях не воспринимаем такого рода необходимость (и в этом Юм был так же безусловно прав, как не был он прав в позитивной части своего учения), то находится эта необходимость должна в чем-то таком, что по ту сторону явлений, в «действительных вещах». Говоря о естественных законах, мы исходим из предпосылки, что поведение вещей, для которых эти законы должны иметь силу, логически неизбежны для рассудка, способного постичь данные вещи в их глубинной сущности. Они, к примеру, так же логически неизбежны, как $2 \times 2 = 4$. Физическая необходимость есть логическая необходимость, которую мы *принимает как допущение*, но не *воспринимаем*. Тем самым мы не высказываем ничего нового, но нечто такое, в чем вся немецкая философия, начиная с её родоначальника, Лейбница, единодушна если не в изложении, то в тенденции. Различия относятся, главным образом, к тому, может ли эта лишь допущенная необходимость когда-нибудь перейти в необходимость воспринятую, [497] как это утверждал Лейбниц, а в ещё более радикальной форме — позднейший немецкий идеализм. И конечно, здесь простирается страшная пропасть между идеалистами и реалистами. Однако мы не должны упускать из вида и то общее, что их объединяет в отношении к позитивизму, который стремится истолковать закономерное [das Gesetzliche] как чисто фактическое.

Допущение чего-то существующего по ту сторону явлений мы делаем так же, как и многие другие допущения в отдельности, чтобы подчинить дедукции ход явлений. Это допущение доказывает потом шаг за шагом свою достоверность и не нуждается ни в каком другом доказательстве. Почти все другие предпосылки суть в основе своей только части этого допущения, и каждое подтверждение его достоверности есть лишь часть того необъятного доказательства, которое указанное допущение получает посредством прогрессирующего развития нашего естествознания и основанной на нем жизни. И всеобщая регулярность естественного хода вещей, согласно которой при одинаковых условиях должно всегда наступать одно и то же, включена уже в указанную великую предпосылку (ибо мы допускаем существование не вещей вообще, а закономерно связанных вещей) и не нуждается ни в какой другой, к примеру, априорной опоре.

В самих явлениях эта регулярность не встречается. Если мы повернём нашу голову в сторону, а потом вернёмся в исходное положение, то у нас будет то же самое мускульное ощущение, такое же содержание сознания во всех прочих отношениях, и все же зрительное явление может теперь оказаться другим. Все бесчисленные исключения такого рода исчезают только посредством вспомогательного представления о внешнем мире в указанном выше смысле.

Это не правда, что естествознание ведёт речь только о явлениях. Нет ни одного естественного закона, который позволял бы выражать себя как закон чистых явлений, если мы берём это слово в строгом (субъективном) смысле. Среди явлений нет причинности²⁸.

²⁷ Я могу так же мало согласиться с Зигвартом (Logik I (2) 236) и Фолькельтом (Erfahrung und Denken S. 142), без различия объявляющими каждое познавательное суждение необходимым, как и с теми, кто всё считает чисто фактическим. То, что мы высказываем определённое суждение о факте, является, конечно, психологически столь же важным, как и то, что мы в другом случае утверждаем о законе. Однако не об этой необходимости утверждения идёт речь, необходимости, которую ведь и Зигварт вполне отличает от объективной истины (S. 251), но о необходимости утверждаемого содержания [des Inhalts (Sachverhalts)]. В утверждаемой истине есть ещё одно различие, в зависимости от того, заявляется ли она как чисто фактическая или как закон, и никогда факт не позволяет растворять себя в законе, а закон — в факте.

²⁸ Точно такого же мнения придерживается Липпс в его рецензии на «Критицизм» Рила: Götting. gel. Anzeigen 1888 No. 24 S. 911 f.

Кант, наверняка, никогда и не думал даже — как он однажды и сам об этом заявил — ограничить наше знание одними только явлениями в [498] собственном смысле²⁹. Кант не только постоянно определяет ощущение как действие внешних предметов, но он позволяет эмпирическим телам и тогда существовать в пространстве, когда они в данный момент не появляются. Даже существование такого внешнего мира значит для него абсолютно определённую (ибо уже включённую в понятие внутреннего восприятия) истину³⁰. Кант, стало быть, идёт в этом вопросе ещё дальше, чем это оправдано (если при этом подразумевается научное, а не наивное сознание).

Кант как раз говорил, — как это и сегодня делают многие, кто ограничивает наше знание явлениями, — о явлениях в двояком смысле, не различая чётко эти смыслы. Он называл также явлением то, что продолжает существовать от розы в то время, когда я не вижу ее, даже когда не думаю о ней. Точнее говоря, продолжает существовать что-то вроде условий, вследствие которых, если я снова посмотрю на розу, возникает то же самое зрительное ощущение. Только в этом смысле Кант мог говорить о законах явлений и об их причинной связи³¹.

Но поскольку, однако, время и пространство, в которых, по Канту, должны осуществляться и эти объективные явления, могут быть только относящимися к сознанию формами созерцания, и поскольку вообще явления, которые никому не являются, были бы странным понятием, постольку современные толкователи кантовского учения переносят [499] указанные явления в надындивидуальное сознание, в родовой человеческий разум. Якобы согласно Канту, именно в этом разуме продолжает пребывать созерцаемая во времени и пространстве роза, даже если её не видит ни один человеческий глаз. Этот разум есть то, что якобы содержит последнее основание для возможности закономерной связи индивидуальных явлений³².

Это, пожалуй, ещё вопрос, согласился бы Кант с этим, напоминающим Фихте, истолкованием того, что он, впрочем, не раз называл «сознанием вообще»³³. Но насколько все же можно сделать вывод из сказанного, у Канта нет недостатка в сходствах с понятием объективной необходимости (как мы пытались его сформулировать), а также с включёнными туда понятиями объективных вещей и возможного сознания, для которого невоспринимаемая в явлениях, но выводимая из них связь *стала бы* истинной логической необходимостью. Последнее вспомогательное понятие мы, в любом случае, также не будем обозначать родовым разумом или надындивидуальным сознанием, но удовлетворимся, — пока речь идёт лишь о чертах, содержащихся в понятии естественного закона, — вышеприведённой непритязательной формулировкой.

²⁹ См. Zeller's Geschichte der deutschen Philosophie 2. Aufl. S. 351 f. B. Erdmann, Kant's Prolegomena S. XLV — LXVI. Derselbe, Kant's Kritikismus etc. S. 45.

³⁰ К этому, т. е. к способу онтологического доказательства внешнего мира, сводится известное «Опровержение идеализма» во 2-ом издании «Критики чистого разума», однако и в 1-ом издании Кант достаточно часто высказывался в этом же духе. См. об этом статью Файхингера «Zu Kant's Widerlegung des Idealismus» в: «Strassburger Abhandlungen zur Philosophie», 1884; см. также изложение вопроса Р. Фалькенбергом в его истории новой философии: S. 268 f. Правда, здесь, как и почти везде, можно привести мнения и противоположного свойства. (К примеру: Kehrb. S. 312 из 1-го изд-я «Критики чистого разума»).

³¹ В недавно (1888 г.) опубликованном Краузе Opus posthumum «О переходе от метафизических начал естествознания к физике» Кант часто различает прямые и непрямые явления, а также явления первого и второго ранга, причём последние явления он рассматривает как проявления явлений первого ранга. Но тем самым Кант желает лишь противопоставить отдельные чувственные данные тем комплексам явлений (эмпирическим предметам), которые возникают посредством применения категорий, или противопоставить также чувственные явления явлениям внутреннего чувства, «так как субъект для него самого является предметом эмпирического познания». S. No. 150 (где после слова «прямо» [direct] следует поставить точку, а последующее слово «явления» взять в скобки, иначе это место в тексте будет непонятным), 160, 194, 201, 203, 209 (b).

³² Windelband, Gesch. D. neueren Philos. II, 75 f. Falckenberg a. a. O. 269. Файхингер лишь заявляет, что к этой идее приходят с необходимостью.

³³ См. об этом «сознании вообще» в живых рассуждениях Лааса в: Laas. «Kant's Analogien der Erfahrung [Кантовские аналогии опыта]». S. 94 f.

И с тем, что рассудок вносит необходимость в вещи, мы можем согласиться в той мере, что мы *гипотетически* вносим понятие, полученное посредством внутреннего восприятия, в столь же гипотетические вещи, чтобы потом, если можно так выразиться, вынуть из них это понятие уже подтверждённым.

Но пункт, в котором следует полностью и безоговорочно согласиться с Кантом, — это удержание строгого понятия необходимости. Элиминация этого понятия Юмом спровоцировала Канта на борьбу и была отправной точкой его критических исследований. Однако ещё и в наше время такой, во всех отношениях почтенный, мыслитель, как Д. Ст. Милль, думал, что можно даже принцип противоречия основать на постепенном накоплении наблюдений. И если мы вспомним об этом, тогда мы вряд ли сможем переоценить великую заслугу Канта, [500] пытавшегося всеми силами своего духа спасти идею истинной необходимости, за которую держалась вся немецкая философия. Причём речь идёт о необходимости не просто в мыслительных, но и в естественных законах. В этом как раз состоит действительная историческая заслуга Канта в сфере теории. Коррелятом этой заслуги в практической области является удержание строгого «Ты должен!» по отношению к гетерономной псевдоморали, пространство которой в другой форме мы сегодня опять наблюдаем.

Напротив, кантовскую тенденцию к отказу от психологических исследований как исходного пункта и основания теории познания, мы должны и после рассуждений из этого раздела рассматривать только как несчастье; и полнейшая неудача «идеалистической» философии, которая именно в этой тенденции последовала за Кантом, стала тому историческим испытанием.

V. Разделение и объединение исследований

«Смешение границ различных наук ведёт не к расширению, а к искажению этих наук». (Кант И. Критика чистого разума. — М.: Мысль, 1994. С. 14. — *Прим. пер.*). Это знаменитое высказывание Канта лежит в основе стойкого сопротивления критицистов в отношении привлечения психологических исследований как методического правила.

Научная методика велит нам как можно дальше изолировать *вопросы*. *Divide et impera!* Чтобы переломить связку палок, её надо развязать. Но иначе обстоит дело с разделением *наук*. Положим, Кант думал (или мог бы подумать — вопрос интерпретации его текста мы оставляем здесь в стороне), что сокровище знаний, добываемое какой-либо наукой, должно оставаться неплодотворным для других наук, или что он лишь полагал, будто нет никаких пограничных вопросов, для разработки которых должны протянуть друг другу руки сразу несколько наук. Но тогда мы должны были бы со всей решительностью возразить Канту, ибо в наше время психологи и физиологи, логики и математики, педагоги и медики, политэкономы и политики, языковеды и естествоиспытатели, а также многие другие до этого отдельно маршировавшие корпуса знания смыкаются теперь для единого удара. Наука есть, конечно, лишь комплекс вопросов, и мы не станем дробить вопросы в малом, [501] чтобы потом сваливать их вместе в большом. Любой науке остаётся собственное ядро задач, которое не сливается с другими задачами, а напротив, раскалывается и рождает новые специальные науки. Но то, что важно для формулировки вопросов, не является столь же ценным для их обсуждения и решения. Для плодотворного рассмотрения должно быть привлечено все, что только можно использовать без нарушения общих логических предписаний, в особенности, без порочного круга в доказательствах.

Относительно этих позиций, по моему мнению, могут иметь место, в крайнем случае, недоразумения, но не серьёзные споры.

Если нам нужно теперь взаимно противопоставить собственные задачи психологии и теории познания, тогда мы должны лишь расширить некоторые, уже включённые в наш анализ рассуждения.

Исследование происхождения наших *понятий*, причём как понятий абсолютного, так и относительного содержания, есть старая задача психологии. Положим, это верно, что понятие не мыслимо само по себе, но может быть постигнуто только внутри конкретного представления, как встроенное в него, или каким-то, возможно, более характерным образом, выступая как бы стереоскопически, т. е. может быть постигнуто на пути обычного абстрагирования. Если это так, тогда указанная задача совпадает с определением соответствующего конкретного представления и с точнейшей характеристикой моментов или способов изменения этого представления, которые делают возможным абстрагирование соответствующего понятия. Мы уже упомянули, что здесь ещё многое предстоит объяснить.

Поиски самых общих и непосредственно очевидных *истин*, напротив, есть дело теории познания. Понятие — это не суждение, не познание. Если бы понятие было нам каким-либо способом врождено, тогда отсюда ещё бы ничего не следовало относительно суждений, в которых это понятие может найти свое применение. Предположим, что все присутствующие в данном суждении понятия были бы психологически свойственны нам а priori даже в том смысле, что они были бы очевидны сознанию до всякого восприятия. Тогда все-таки могло бы так стать, что прежде всего восприятия, опыт дали бы нам повод и основание для определённых сочетаний этих понятий. И наоборот, из восприятия может быть заимствовано понятие, как, например, понятие красного, [502] цвета вообще, понятие квадрата и фигуры, в то время как суждение вроде «красное есть красное» или «краснота — это не фигура», без сомнения, является априорным. Ибо нам не нужно особое восприятие или даже нагромождение восприятий, чтобы удостовериться в истине подобного высказывания; нам нужны восприятия только для получения понятий, из которых потом непосредственно вытекает предложение.

Это относится также к пространству и времени. Вопрос о природе геометрических аксиом (независимо от того, являются ли они аналитическими, а priori синтетическими или всего лишь эмпирическими положениями) отнюдь не тождественен с вопросом о психологическом возникновении пространственного представления (дано ли оно уже изначально в зрительном восприятии, или есть продукт индивидуального психологического развития). Однако оба эти вопроса были здесь, как и в других местах, долгое время смешаны друг с другом, причём как в ущерб психологии, так и теории познания. Науки были разведены, а вопросы смешаны, тогда как следовало бы поступать прямо наоборот.

Установление и характеристика самых общих, непосредственно очевидных знаний, как, например, знания о происхождении понятий, — это ещё далеко не достаточно решённая задача. В перечень так называемых синтетических основоположений Кант включил многое из того, что вполне может считаться эмпирическим положением, хотя и упроченным обширнейшими гарантиями надёжности (к примеру, закон причинности и взаимодействия). Далее, Кант включил сюда нечто такое, что прежде всего нуждается в интерпретации (к примеру, положение о субстанциальности, в котором главным является формулировка понятия субстанции). Наконец, в указанном перечне есть и такие тезисы, истинность которых может быть серьёзно поставлена под сомнение. К примеру, Геринг усомнился в том, что в отношении цвета истинно положение, будто восприятия имеют определённую степень, и он, в любом случае, по праву бы не согласился с тем, кто захотел бы закрыть этот вопрос простой ссылкой на априорное «так должно быть». Общая кантовская аксиома созерцания: «Все созерцания суть экстенсивные величины», насколько я вижу, ни малейшим образом не повлияло на решение великих вопросов о природе геометрических основоположений. Но и независимо от отдельных положений, все самостоятельно мыслящие новейшие теоретики познания считают необходимым подвергнуть ревизии кантовское понятие синтетических основоположений, в какой мере современные теоретики ещё пользуются этим понятием. [503]

Давайте все же предположим, что вышеуказанная задача решена, что наиболее общие и непосредственно очевидные знания полностью перечислены, точно сформулированы и клас-

сифицированы, а также отделены от мнимых основоположений. Тогда, как мне кажется, теории познания вообще ничего не оставалось бы делать в отношении оснований познания. Я не могу увидеть никакого теоретико-познавательного смысла в вопросе об «условиях возможности» таких непосредственных истин. Любое дальнейшее исследование могло бы распространяться только на *психологические* условия, среди которых суждения такого рода встречаются в сознании. Соответствующие представления должны существовать, как должна быть налично способность к абстрагированию общих понятий, а внимание должно иметь требуемую интенсивность и направление и т. д. Однако никакое, даже самое тщательное, описание всех частей психологического механизма не сделает нам очевидное ещё более очевидным, а непосредственные знания — ещё более непосредственными. И никакое описание не даст нам даже ознакомиться с тем, как и почему эти, причём именно эти и никакие другие знания возможны как основания нашего мышления. Имеет место одно из двух: или даются посылки для логического обоснования содержания суждения (и тогда упомянутые знания в действительности не были непосредственными); или даются психологические условия процесса суждения, и тогда покидают сферу теории познания и переходят в собственном смысле в *ἄλλο γένος* исследований. И третьего здесь не дано.

Если таким образом, по сути дела, теории познания заказано копать глубже, тогда вширь и ввысь для неё открывается немало проблем. Возникает вопрос о том, каким образом элементы наших представлений, выявленные посредством психологического анализа, могут применяться к мыслящим конструкциям мира, в особенности, «внешнего мира». Наиболее общие средства и пути познания должны быть выяснены теорией познания не в меньшей мере, чем его наиболее общие исходные точки.

Внешний мир есть, научно выражаясь, гипотеза, чтобы рассчитывать ход явлений. Для построения этой гипотезы у нас нет никаких других представлений и понятий, кроме тех, что мы позаимствовали у самих явлений, включая, однако, и явления внутреннего [504] восприятия. Одна часть этого оказывается пригодной, другая — нет. Если обнаружится, что этого для нас недостаточно, тогда именно в этой мере мир останется лишённым для нас любого предвидения и всякого подчинения законам. Среди абсолютных содержаний, которые в самих явлениях находятся в нашем распоряжении, непригодными для такой конструкции считали так называемые качества ощущения, тогда как представления о пространстве и времени (т. е. локальный и темпоральный моменты явлений), напротив, оказались весьма пригодными. Указанные представления обязаны этой своей предпочтительностью тому обстоятельству, что благодаря им можно в гораздо большем объёме производить расчёты (а качества, как было упомянуто, также доступны расчёту). Важно здесь и то, что результаты вычисления, которые появляются на основе допущения объективных пространственно-временных процессов, опять подтверждаются потом в новых явлениях. С самого начала, однако, мы больше не претендуем на объективную действительность [Gültigkeit] как на качества восприятия³⁴.

Строго говоря, время и пространство *не* пригодны в *той* форме, как они нам даны. Они стали таковыми только в результате многочисленных трансформаций и абстракций. Время и пространство, как мы их себе представляем, имеют центр: мы не можем представить время вне положения вперёд или назад от данного мгновения, с которым все соотносится. Аналогичное имеет силу и для представления мест. При физикалистском понятии пространства и времени этот центр не нужно принимать во внимание. У пространства представления есть, далее, или только два измерения, или в нем присутствует, по крайней мере, в рудиментарной,

³⁴ Противоположное мнение исторически восходит к Декарту, который назвал пространство и время — из-за основанных на них математики и математической физики — «совершенно ясными и отчётливыми» представлениями. Поэтому Декарт считал эти представления объективными, тогда как качества — лишь субъективными представлениями. Приведённые им аргументы в пользу этой «темноты» (к примеру, что мы не всегда можем точно локализовать боль) были, разумеется, достаточно слабы. Ведь сами по себе цветовые, звуковые или болевые ощущения, конечно, не менее ясны, чем, например, представление о треугольнике.

зачаточной форме ещё одно, третье измерение. Мы не в состоянии представить себе толщину тела тем же самым способом, что и его ширину или длину; мы не можем видеть тело насквозь, даже не можем представить его во всех мелочах в нашей фантазии (последнее только Геринг считает возможным). Пространство геометра и физика вообще не обладает [505] во всех точках и направлениях одинаковыми свойствами, а пространство ощущения — нет. Вверху и внизу, справа и слева суть для ощущения в известной мере качественные различия. Квадрат, находившийся вначале в вертикальном положении, а потом перевёрнутый на 45 градусов и стоящий теперь на одном из своих углов, воспринимается совершенно иначе и вновь опознаётся в качестве квадрата только посредством умозаключений³⁵. Совершенно неверно считается, что пространство (наряду со временем), как мы его представляем, повсюду конгруэнтно себе самому и что можно любой его кусок так же мысленно перенести в другую его часть³⁶. Субъективное место мы можем столь же мало мыслить трансплантированным, как не можем мы мысленно перевести низкий тон в высокую октаву.

Есть ряд особенностей ощущаемого пространства, от которых надо отвлечься в гипотезе объективного пространства, хотя мы не можем удалить их из наглядного представления.

С самого начала нельзя абсолютно ничего возразить против допущения четвёртого измерения пространства. Вопрос состоит единственно лишь в том, нужно ли нам это измерение. Ведь легко увидеть, что за полным исключением абсолютного содержания, всего наглядного в нашем пространственном представлении, в качестве объективно значимых могут предполагаться только совершенно абстрактные отношения, выраженные в формулах аналитической геометрии. Пространство физика, как следует из вышесказанного, и без того давно уже можно мыслить только посредством существенного абстрагирования от пространства ощущения. С этой точки зрения можно без всякого стеснения использовать в указанных формулах вместо трех четыре или ещё больше переменных. Тем самым я не хочу сказать, будто мы имеем лишь [506] тень веского довода в пользу четвёртого измерения, а не, скорее, самые сильные аргументы в пользу трех измерений. Однако с теоретико-познавательной точки зрения полезно представить себе эту возможность как таковую, потому что она яснее всего показывает, в какой мере мы можем преобразовать данные нам представления или придать им более абстрактный вид, *если* есть на то потребность.

То же самое, что относится к абсолютным содержаниям, теперь, однако, имеет силу и для релятивных [relativen] понятий, т. е. понятий отношения [Verhältnissbegriffen]. Если мы должны признать, что объективную действительность [Gültigkeit] абсолютных содержаний можно обосновать только эмпирически, тогда нет никакого повода, чтобы выводить действительность релятивных содержаний из совершенно другого источника. И для них нам не нужно иметь никакого другого обоснования, кроме успеха. Любое применение есть прежде всего вопрос попытки. И то огромное доверие, которое уже совсем никак нельзя недооценивать, и которое мы питаем относительно понятий причинности и других понятий в смысле их объективной действительности, уже достаточно обосновано посредством их незаменимости на каждом шагу нашего познавательного пути. То, что и здесь необходимы преобразования (соответственно, абстракции) более высокого порядка, производимые над непосредственно данными представлениями, — это мы видели на примере понятия необходимости. То же самое

³⁵ Mach, Beiträge zur Analyse der Empfindungen S. 44 f. Рассуждения Маха о различии между оптическими и геометрическими сходствами, о впечатлении симметрии и т. п. весьма интересны и поучительны, хотя я не стал бы безусловно соглашаться с приведёнными Махом объяснениями. Он указывает также (S. 76) на то, что влияние пространства ощущения время от времени заявляет о своих правах в геометрии, даже вопреки её интенциям. К примеру, когда различаются два вида кривизны: вогнутая и выпуклая, и когда геометр, собственно, должен был бы знать только отклонение от средства ординат. Невзаимозаменяемости правого и левого, как известно, придавал значение уже Кант. Отсюда, действительно, вытекает субъективность пространства восприятия. Однако отсюда не следует, что это пространство, как априорную форму, можно отделить от материи ощущения.

³⁶ Как это, к примеру, утверждает Вундт (Wundt, System d. Philos. S. 119) наряду со многими другими авторами.

показало бы нам и понятие причинности. Я предполагаю, что и некоторым кантиански настроенным [kantianisierenden] естествоиспытателям это кажется существенным моментом кантовского учения: как можно точное и полное наименование наиболее общих и простых понятий отношения и относящихся к этому положений, без которых объяснение природы было бы фактически невозможным. Однако это отнюдь не означает претензию на их действительность до всякого применения, независимо от испытания их на пригодность и выполнимость.³⁷

У психологии совсем иная задача относительно [507] нашего убеждения во внешнем мире и наших представлений о его устройстве. Она должна не *обосновать* соответствующие научные допущения, но *объяснить* общую непосредственную веру во внешний мир, *независимо от того, является ли эта вера истинной или ложной*. Речь идёт о вере во внешний мир, как он является: в цвете, звуке и шорохе, в запахе и вкусе, за исключением разве что корректур, вносимых уже обычным сознанием, умудренным многочисленными обманами чувств. Если, как в только что указанном отношении, начала научного познания играют здесь тоже некоторую роль, тогда психология рассматривает их только как содействующие силы среди прочих сил.

Вполне можно заметить, что *тот* внешний мир, о котором здесь говорится, не только в некоторых своих свойствах, но в целом своем понятии не перекрывается с внешним миром, о котором идёт речь у метафизика и философствующего естествоиспытателя. Для обычного сознания граница между «Я» и внешним миром есть просто граница между собственным и чужим телом. Метафизик, напротив, со времён Декарта понимает под «Я» нечто данное с непосредственной научной достоверностью (очевидностью), и это теоретико-познавательное «Я» есть сознание вместе с содержащимися в нем феноменами, тогда как так называемое собственное тело с этой точки зрения также относится к внешнему миру, как и так называемые чужие тела. Психология должна лишь показать (и эта задача ей по плечу), что означает для обычного сознания «действительность» [Wirklichkeit] ощущений, и как дело доходит до того, что в действительном проводят границу между «собственным» и «чужим», границу, которой первоначально там наверняка не было³⁸. [508]

Таким образом, вполне различные комплексы задач кажутся расходящимися для обеих наук. Но тем быстрее должны мы вернуться к мысли о том, что успешное решение этих задач

³⁷ Гельмгольц говорит относительно закона причинности, который он называет а priori данным, трансцендентальным законом: «Здесь реален только один совет: доверяй и действуй!» (Die Tatsachen in der Wahrnehmung S. 41 f.). Обратный порядок слов в этом призыве кажется мне более удачным: «Действуй и доверяй!» Или одним словом: «Пробуй!»

К такому же выводу пришёл и Е. Лаас в своей полемической статье в «Страсбургских трактатах по философии» (1884), когда он пытался придать чёткий смысл так называемому «критическому методу» и понятию «условий возможного опыта».

³⁸ В своей недавно опубликованной работе «К решению вопроса о происхождении нашей веры в реальность внешнего мира и праве этой веры» [Beiträgen zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht] (Sitzungsberichte der Berliner Akademie, Phil.-hist. Cl. 1890) Дильтей подчёркивает — в противоположность к «интеллектуалистической» интерпретации этой веры — выдающееся значение волевых процессов и «опытов воли» [Willenserfahrungen]. Посредством этого Дильтей пытается также выйти за пределы допущения, будто реальность внешнего мира имеет лишь гипотетическую ценность. Различие между философским обоснованием и психологическим возникновением веры Дильтей усматривает в том, что первое аналитически излагает то, что дано в живом опыте, а потом, посредством найденных в этом опыте составных частей, расширяет его горизонт. Я бы хотел, однако, найти различие не просто в методе, но прежде всего в самом предмете. Внешний мир в теоретико-познавательном, вообще научном смысле кажется мне, в самом деле, не более чем гипотезой, которая ведь как таковая может (и право имеет) обосновываться только посредством интеллектуальных, а именно, научных операций. Напротив, для объяснения психологического внешнего мира — если я могу использовать это выражение — должен привлекаться весь аппарат душевных сил и среди этих последних, конечно, в особой степени — волевая деятельность, в какой мере различие между своим и чужим телом по большей части основывается на этом. Здесь становятся, действительно, поучительными и патологические состояния, которые обильно использует Дильтей в своих объяснениях.

немыслимо без взаимной и многократной поддержки. Теоретик познания не может пройти мимо вопроса о возникновении понятий, он должен как специалист проникать в глубины и трудности этой проблемы. И психолог, со своей стороны, должен быть теоретиком познания, не просто, потому что познавательные суждения образуют особый класс феноменов суждения, который, как и другие психические феномены, подлежит описанию. Нет, прежде всего, потому, что психолог, как и любой, для кого наука есть нечто большее, чем ремесло, должен иметь ясность относительно основ всего знания. Однако здесь возникают (как, например, это видно в случае понятия «внутреннего восприятия»), и действительно пограничные вопросы, которые можно в равной мере отнести как к одной, так и к другой из обеих наук, причём без вреда для прочих различий их задач. Нет смысла спорить о том, кому в большей мере принадлежит такая область; главное, что обе они берутся за решение её задач.

Так пусть же психологизм, как и критицизм, исчезнут с повестки дня науки, и вместо абстрактного и неплодотворного доктринерства [Standpunktpolitik], особенно свойственного критицизму, возникнет научное сотрудничество в решении отдельных проблем, отвечающее их природе.

[509] ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Исторические заметки о различии материи и формы представления

Теоретико-познавательное противопоставление пространства и времени, с одной стороны, и чувственных качеств, с другой, явно совпадает со всем ходом развития физики. Попытка философского обоснования этого противопоставления была предпринята Декартом при помощи указания на очевидность математики. Зачатки для «форм мысли» возникли потом в декартовском и лейбницеvском учении о виртуально врождённых идеях. Мне кажется бесспорным, что в этом отношении лейбницеvские «Nouveaux Essais» (опубликованные в 1765) оказали решающее влияние на Канта. Однако старое различие материи и формы ещё не было обращено Лейбницем на эти вопросы. Лейбниц понимает эти выражения в онтологическом смысле, только с новым толкованием, которое он даёт этим терминам, перешедшим к нему по наследству от Аристотеля и схоластов. Сам Аристотель эти основные свои понятия использовал, конечно, и в теории познания, определяя смысл и рассудок как способности «воспринимать формы». Однако никто не станет усматривать в этом образец для кантовского учения, которое, скорее, образует этому самую резкую противоположность. Иным способом оценивается при случае различие формальных и материальных принципов вольфианцами в их учении о познании. См., к примеру, такого рода оценку у Крусиуса³⁹, а также (со ссылкой на последнего) у самого «докритического» Канта⁴⁰. Возможно, мы не ошибаемся, когда усматриваем в этом первые зачатки или предвестия позднейшего различения. Но и там следует предостерегать себя от того, чтобы не искать за одинаковыми выражениями непременно одинаковый смысл.

В подразумеваемом здесь смысле противоположность материи и формы представления содержится, как известно, у Канта прежде всего в его диссертации 1770 года, а именно, в связи с рассуждениями о пространстве и времени. Но потом в «Критике чистого разума» понятие формы применяется и по отношению к категориям. Но побуждения к тому, чтобы постичь пространство и время как формы чувственного созерцания, имелись уже отчасти в лейбницеvской дефиниции пространства и времени как простых феноменальных порядков, отчасти же в тех трудностях, с которыми [510] сам Кант ещё раньше столкнулся в определе-

³⁹ Weg zur Gewissheit (1747) § 421.

⁴⁰ Der einzig mögliche Beweisgrund etc. (1763) I. Abth. Zweite Betrachtung No. 1. Untersuchung über die Deutlichkeit der Grundsätze etc. (1764) Dritte Betrachtung § 3.

нии этих представлений, и которые неоднократно приводили его к перестройке его воззрений⁴¹.

Но можно указать и ясные внешние стимулы для различения формы и материи представлений. Приоритет Ламберта в этом вопросе неоднократно уже упоминался в новейшей литературе, хотя в лучшем ламбертовском сочинении, в «Новом органоне» (1764)⁴², об этом прямо ничего не говорится. Только подчёркивание априорного познания в отличие от чисто апостериорного (а исключительно такого рода познание находит Ламберт в локковской «Анатомии наших понятий»), содержит здесь предварительные намёки на Канта. Но вместе с тем перечисление этих априорных знаний (ещё более отчётливо это видно в более поздней «Архитектонике») ещё напоминает шотландского мыслителя. Однако любое различение априорных и апостериорных суждений не тождественно с различием формы и материи представления, как бы тесно ни были связаны эти различия в процессе рассуждений «Критики чистого разума». Прямо и ясно последнее различие выражено впервые в письме Ламберта Канту от 3 февраля 1766 года, где Ламберт ставит и обсуждает вопрос о том, ведёт ли (и если ведёт, то как) познание формы к познанию материи нашего знания. Ламберт указывает на то, что все наши знания о формальном, как они имеют место в логике и метафизике, бесспорно правильны, и что споры возникают лишь там, где в основу наших знаний хотят положить материю. Форма, говорит он, не определяет никакую материю, однако она определяет её расположение, и в этой мере из теории должно вытекать, что служит началом наших знаний, а что — нет.

Здесь перед нами уже совершенно очевидные причины, я бы даже сказал, основные черты, кантовского учения о формах, как оно потом было развито прежде всего в диссертации Канта. Здесь мы имеем и отношение этого учения к синтетическим суждениям а priori, как оно изображено в «Критике чистого разума».

В своей «Идее архитектоники» [«Anlage zur Architektonik»], которая была опубликована в 1771 году, то есть сразу после кантовской диссертации, Ламберт утверждает (Предисловие V, XVI), что его уже давно занимали трудности в понятии формы и всего, что к ней относится, хотя он так и не смог объяснить форму желанным для него образом. Правда, соответствующие размышления Ламберта (II, 233 f.) простираются, в сущности, только на описание языкового употребления в тех разных случаях, где речь идёт о форме и материи. Однако интересно наблюдать, как он при этом исходит из *аристотелевского* учения, из старого онтологического значения этих выражений, и как он потом и в учении о разуме отличает формы познания (подтверждение и отрицание, всеобщее и [511] особенное, Если, Или — Или, Как — Так и .., и т. д.) от материи (от понятия субъекта и понятия предиката). В примерах, которые Ламберт причисляет здесь к формам, с очевидностью присутствуют и кантовские категории (качество, количество, отношение). К этому он ещё добавляет, что ему всегда крайне важной казалась теория формальных причин человеческого познания.

Ещё один внешний стимул пришёл со стороны Тетенса. Ведь именно его «Философские опыты о человеческой природе», по известному свидетельству Гамана, «постоянно лежали открытыми на рабочем столе Канта». Ощущения, — говорит Тетенс, — дают материал для всех идей, а форма идей зависит от мыслительной способности. Часто он говорит также о формах как «продуктах мыслительной способности» (см. ниже). Тетенс пытается посредством этого учения одновременно истолковать и лейбницевское положение из «Nouveaux Essais»: «Nil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu nisi intellectus ipse» (I, 336 f.). Далее,

⁴¹ Отношение своего учения о форме и материи к лейбницевской концепции Кант обсуждает в разделе «Об амфиболии рефлексивных понятий» в «Критике чистого разума». Однако исторический аспект вопроса в этом разделе не освящается.

⁴² На данное сочинение в указанной связи ссылается Виндельбанд в своей «Истории новой философии». См.: Windelband. Geschichte d. neueren Philos. I, 546, II, 29.

Тетенс различает в учении о необходимых суждениях формально и материально необходимые суждения (I, 512 см. ниже), очень близко подходя в этом пункте к Канту.

Отмеченные выше внешние стимулы кантовского учения не могут понизить его оригинальности. Философское величие Канта и без того не становится меньше, ибо явное заблуждение не есть его единственная собственность.

2. Учение об отношении и учение о необходимости

«Для эмпирической философии, — писал Эрдман в своей подробной истории новой философии в 1842 году, — Тетенс хотел бы сделать больше, чем любой исследователь до или после него». Бенеке, один из немногих, кто во время идеалистического периода продолжали тетенсовскую линию (который, впрочем, одновременно сохранял свою склонность к психологизму), высказал даже суждение о том, будто в сфере психологии исследование было более продвинутым до Канта, чем после него⁴³. И все же как историческое, так и предметное значение тетенсовского учения, взятого отдельно, вплоть до последнего времени оценивалось лишь мало по достоинству. Даже в современной, столь многочисленной специальной литературе по психологии «немецкий Локк»⁴⁴ приводится только как автор ставшего благодаря Канту всеобщим деления на рассудок, чувство и волю, хотя как раз это деление происходит *не* от Тетенса, а от Мендельсона⁴⁵. С критической точки зрения А. Риль посвятил Тетенсу в [512] своем «Критицизме» (I, 187 f.) обстоятельные рассуждения. В 1878 году Гармс проанализировал в сочинениях Берлинской Академии всю жизнь Тетенса, не задерживаясь особо на отдельных пунктах. Инициированная мною диссертация Шлегтендаля, посвящённая тетенсовской теории познания (Halle 1885), разбирает его сложное учение о восприятии и познании объективного существования. Другая диссертация, написанная Циглером (Leipzig 1888), ставит своей целью, главным образом, опять-таки оценку с критицистской позиции. Мы хотим в дальнейшем изложении кратко резюмировать суть того, что Тетенс заявляет относительно двух обсуждаемых в нашем сочинении пунктов. Теория отношения находится в более подробном (на несколько страниц) изложении у Шлегтендаля, а учение о необходимости, насколько мне известно, ещё нигде не было изображено в полной мере.

а) Отношения [Verhältnisse], заявляет Тетенс, в узком смысле нельзя почувствовать (воспринять), а можно только помыслить, познать, заметить, апперципировать. В широком смысле слова можно обозначить это также как чувствование [ein Fühlen]. То же самое относится к переходу, изменению, которые мы обнаруживаем в себе, когда, например, судим о сходстве или несходстве. Это чувство перехода предшествует суждению. Так же, помимо прочего, обстоит дело в случае причинности.

В наших представлениях различия и отношения, пожалуй, в известной мере уже наличествуют до восприятия этих различий и отношений; однако чётко выделяются они только посредством восприятия, тогда только они становятся «полностью удобочитаемыми». Поэтому в строгом смысле нет никаких бессознательных представлений, никаких представлений, в которых уже мыслились бы те же самые различия и отношения, которые мы познаем в сознании.

⁴³ Psychologische Skizzen 1825 S. 611. См. также о Тетенсе: S. 601-2.

⁴⁴ Этим прозвищем его почтили после Розенкранца. Geschichte der Kant'schen Philosophie, Kant's Werke XII, 65.

⁴⁵ Так, Вундт, делая в «Mind» (II, p. 515) обзор немецкой философской литературы, сообщает английской публике о совершенном Й.Б. Мейером в его «Психологии Канта» открытии: будто указанное трехчленное деление Кант позаимствовал у Тетенса. Вундт даже договаривается до того (III p. 156), что Эрдман якобы уже сделал это открытие в своем «Очерке истории философии» [Grundriss. d. Gesch. d. Phil.]. Но открытие Эрдмана (которое содержится в его на 20 лет раньше опубликованном солидном сочинении), является *ложным*, и как раз это убедительно показал Й.Б. Мейер, одновременно сославшись на Мендельсона.

Восприятие [*das Wahrnehmen*], посредством которого впервые (актуально) возникают мысли об отношении, есть вид суждения [*Urteilen*]. Однако оно не есть суждение в узком смысле, которое, скорее, уже предполагает идеи, т. е. осознанные, различённые представления.

Соотношения однообразия, различия и т. п. суть *Ens rationis*, они лишь субъективно присутствуют в рассудке. Мысль об отношении есть «махинация той способности, при помощи которой актуально переживаемые в нас представления о вещах [*Dingen*] мы сравниваем как предметы [*Sachen*], а потом, так сказать, налагаем на них отпечаток нашей сравнивающей деятельности» (I, 276; срав.: 288 «*Gedanken von Verhältnissen, welche die Denkkraft zu den Vorstellungen hinzusetzet* [Мысли об отношениях, которые мыслительная способность добавляет к представлениям]»).

Относительно пространственно-временных отношений (I, 277, 359) нужно от самих отношений отличать абсолютное, которое лежит в их основе, *Fundamentum relationis*, и это абсолютное *может* также быть чем-то объективным. Но сами отношения суть и здесь лишь идеи мыслительной способности. Об этом Тетенс не пускается в подробные рассуждения, но замечает, что «все спекуляции об упомянутых общих понятиях рассудка покоятся в конечном счёте на психологических исследованиях их способа возникновения, а также на их субъективной природе в рассудке». (Правда, с этим, как и почти со всеми рассуждениями Тетенса, нельзя согласиться безусловно). Позднее он мимоходом рассматривает выдвинутое в кантовской диссертации учение о пространстве и времени. [513] И здесь он, кажется, понимает указанное «абсолютное» как сумму чувственных качеств, которые объединяются в соответствующем пространственном представлении⁴⁶.

Возникновение понятия причинности Тетенс обсуждает в другом месте (I, 312 f.) и находит его в восприятии нашего собственного стремления, но в особенности, прерываний нашего стремления посредством сопротивления. Но при допущении объективных причин мы также предполагаем, что действие *основано* в причине. И это может означать не что иное, как предположение о рассудке, который был бы способен ясно и полностью представлять себе причину, порождать в себе представление о действии или, по крайней мере, должен был бы связывать это представление с представлением о причине. «У нас нет никакой иной идеи объективной причины, кроме этой внутренней причинной связи в рассудке». (Дальнейшие исследования, посвящённые необходимости в причинных суждениях: 494 f. см. внизу).

Наконец, Тетенс уже попытался классифицировать всеобщие, простые отношения (I, 330 f.), следуя классификации Лейбница, но исправляя и расширяя ее. При этом он замечает, «что эти поиски всех мыслимых нами отношений и связей вещей показывают с новой точки зрения объем и границы человеческого рассудка. Разве должны мы непременно утверждать, что немислимо существование и других всеобщих и объективных отношений иных умов, о чем у нас так же мало понятия, как и понятия о шестом чувстве или о четвёртом измерении?»

Этот краткий обзор призван очертить лишь характер и тенденцию тетеновских исследований, посвящённых вопросу о понятиях отношения. Здесь в лице Тетенса замечен проницательный и дальновидный исследователь. Правда, иногда он хочет копнуть глубже, чем это не только допускают терпение и познавательная способность читателей, не проникнутых таким же рвением к психологической классификации; но и глубже, чем это в действительности позволяет сам предмет. А это неизбежно порождает неясности. К примеру, это случается там, где Тетенс изображает основополагающие процессы, предшествующие восприятию. В данном месте Тетенс говорит столь же пространно об «обращении назад» [*Zurückbeugung*] (рефлексии) способности представления как условия восприятия и прочее. Должно быть трудным делом — наблюдать в себе все эти процессы и различия, как их Тетенс умеет описы-

⁴⁶ I, 359. На диссертацию, в любом случае, делается намёк на с. 277 (Упоминание Канта).

вать⁴⁷. Неоднократно порицаемый, несистематический способ изложения, многочисленные [514] повторения и модификации, — все это не так сильно затрудняет понимание его учения, как только что упомянутая черта, означающая действительную ошибку исследовательского метода. В отличие от критиков познания, которые удостаивают Тетенса наивысшей похвалы как психолога, чтоб тем более резко осудить его как теоретика познания, мы именно с психологической точки зрения должны предложить некоторое ограничение похвалы в адрес Тетенса. Он часто слишком старается и хочет слишком глубоко вести анализ. Напротив, теоретико-познавательную тенденцию, насколько она содержится в его учении об отношении, я могу назвать не иначе, как здоровой. Склонность Тетенса к психологизму обнаруживается только в его учении о необходимости.

b) Тетенс различает субъективную и объективную необходимость. Он исследует вначале, должен ли во всех случаях иметь место при данных обстоятельствах один и только один определённый акт суждения. С необходимостью производятся как «тёмные» суждения, которые рефлексивно вызываются посредством неясных, неразличённых представлений, так и ясные изначальные суждения (как, например, вера во внешний мир), которые уже предполагают различённые представления (идеи). Только позднее возникает сомнение, отрицание. И в процессе логического вывода, когда из данных суждений выводятся новые суждения, продвижение рассудка может прерываться из-за различных противодействующих сил.

Более важным является вопрос о том, производится ли суждение при данных представлениях только одним способом или многими. В этом отношении следует отличать необходимые суждения (в которых, помимо подлежащих суждению представлений, мыслительная способность ничего больше не определяет) от случайных суждений, зависящих и от других обстоятельств (к примеру, от привычек и инстинктов). В случае первых суждений существует довольно прочная и однозначная связь между содержанием представления и проистекающим отсюда суждением; в случае же суждений второго сорта такой связи нет. Нельзя привыкнуть к тому, чтобы считать 2×2 равным 5.

Не все необходимые суждения суть тождественные высказывания. Прежде всего, восприятие наших собственных психических состояний, которое мы должны считать вполне истинным, есть необходимое суждение, не подпадающее под закон тождества. Затем признание независимости вывода от посылок в правильном умозаключении есть необходимое, но все же не тождественное суждение. Сюда относится самый общий закон причинности и наиболее общие суждения о присущности [Inhärenz]. (На более подробных рассуждениях Тетенса о законе причинности мы здесь останавливаться не будем). [515]

Но Тетенс различает среди этих (субъективно) необходимых положений опять-таки 2 класса: формально необходимые, которые сами по себе обоснованы в природе мыслительной способности, и материально необходимые, которые обоснованы в материи суждения. К последнему классу относятся геометрические теоремы, закон причинности и субстанциальности, а к первым — закон противоречия и закон тождества, познание различий в конкрет-

⁴⁷ Пожалуй, можно было бы придать фактический смысл учению об «обращении назад» (которое принял и Тидеман в своем «Handb. d. Psych». 1804 S. 96 f), в какой мере только возможно восприятие, когда ощущение продолжается определённое время, и в течении этого времени соответствующие более ранние стадии впечатления, как будто отодвигаясь во времени, остаются в сознании. Иначе выражаясь: в какой мере сознание остаётся обращённым на них. Это относится потом и к восприятию отношений. Однако это не единственное обстоятельство, которое имеет в виду Тетенс. В особых случаях можно ещё и в другом смысле говорить об «обращении назад» или рефлексии, а именно, при восприятии определённых отношений, которые полагаются содержаниям только с учётом психического акта, как, например, в случае отношения множества. (см. выше, S. 488).

Положение о движении туда и обратно между членами отношения как условия представления отношения выдвигают и современные психологи (Lotze Metaphysik S. 531: Siegart Logik I (2), S. 37). Но и это я не хотел бы выставлять в качестве безусловного требования. Существуют, как мне кажется, восприятия отношения, которые вызываются данным абсолютным содержанием, причём без вмешательства какой-либо сообщаемой [angebbare] деятельности.

ных случаях, а также (непосредственные) конкретные знания причинных связей, наконец, внутреннее восприятие или познание собственных сиюминутных состояний как таковых.

В способах мысли обычного рассудка, в отличие от научного исследования, случайная необходимость (привычка и т. п.) смешана с истинной естественной необходимостью. То, что Юм не обратил внимания на эту последнюю необходимость и на её существенное отличие от первой, — в этом состоит главный упрёк в его адрес со стороны Тетенса. Однако он ясно видит, что тем самым трудности ещё далеко не устранены. Остаётся ещё кое-что сделать в позитивном плане, — считает Тетенс, — а именно, выявить степень достоверности научных индукций. Ведь есть вероятности, которые приближаются к полной достоверности, даже бесконечно большие вероятности.

Теперь Тетенс переходит к понятию *объективной* необходимости и вначале определяет понятие объективной истины или действительности [Gültigkeit] вообще. Объективное же может означать не что иное, как всеобщее и неизменное субъективное. В этом смысле мы приписываем объективную истинность отношениям и связям, в то время как абсолютные содержания (цвета, звуки) мы рассматриваем как признаки. Если истина определяется как соответствие наших мыслей предметам, тогда это может означать лишь то, что идея относится к идее, как вещь — к вещам, и что познанные отношения действительны среди идей для мыслящего идеи рассудка.

Здесь не утверждается, что постигаемые нами отношения могут, возможно, отличаться от действительных отношений, что даже сходство и различие суть лишь способы мысли нашего рассудка. У нас вообще нет никакого представления о рассудке, который бы мыслил без помощи отношений одинаковости и различия. И какой бы, в целом, разной ни предполагали мы мыслительную способность, без этих отличительных черт выражение «мыслительная способность» или слово «рассудок» вообще не имели бы смысла. И поскольку «объективное» означает не что иное, как «действительное для всякого рассудка», постольку те отношения являются объективными. «Вещи сами по себе» (обратите внимание и на выражение) «одинаковы и различны, и это лишь значит, что они суть таковы для каждого существа, способного мыслить отношения одинаковости и различия».

В этом смысле получается тогда, что и упомянутые выше необходимости суть объективные необходимости. Существование рассудка, для которого было бы возможным существование четырехугольного круга, я отрицаю с такой же необходимостью, как и бытие самого такого круга.

И среди объективных истин Тетенс проводит различие между необходимыми и случайными истинами. Однако это различие не проводится параллельно, например, вышеупомянутому различию между [516] необходимыми и случайными суждениями. Скорее, Тетенс понимает под ним различие законов и чистых фактов. К последним относятся все чистые расположения [Collacationen], причём и собственное существование. Они являются объективно случайными, хотя и субъективно необходимыми (мы бы сказали: очевидными фактами).

Несмотря на свой глубокий и острый взгляд, который тут часто являет нам Тетенс, причём не просто как психолог, но и как теоретик познания, все же нельзя не заметить в приведённых его рассуждениях склонности к психологизму. Я меньше придаю значение тому, что он недостаточно ясно разводит психологические и теоретико-познавательные задачи; более существенна теоретико-познавательная ошибка, которую Тетенс совершает, когда «необходимость» в наших знаниях он отождествляет с психологическим принуждением к тому, чтобы *судить* в определённых случаях именно так и не иначе. Это принуждение существует, однако оно есть следствие внутренней объективной необходимости того, что это *якобы есть* именно так и не иначе, и эта необходимость не может, в свою очередь, обосновываться психологическими законами, если мы не хотим оказаться в порочном круге. Правда, за Тетенсом следуют и некоторые из современных исследователей, которые, тем не менее, полемизируют с психологизмом. Это, по меньшей мере, неосторожно со стороны Тетенса, когда он утвер-

ждает, будто закон противоречия есть «естественный закон, которому рассудок как таковой подчинён так же, как свет — закону отражения и преломления» (I, 513). Естественный закон выводится из отдельных согласующихся данных опыта, а принцип противоречия не нуждается в таком подтверждении. Вероятно, Тетенс хотел при помощи этого сравнения пояснить лишь безусловное принуждение, с каким мы считаем истинным этот принцип. Однако и таким образом он не выразил как раз то, что отличает именно познавательную необходимость.

Солидаризуясь с этими упрёками критицистов, я все же не могу согласиться с А. Рилем в том, что тетенсовская теория познания сводится к «ultima ratio эмпиризма, к Suffrage universel», в какой мере Тетенс определяет объективную истину как обще-субъективную [gemein-subjektive]. (а. а. О. I, 199). Тетенс не основывает доверие к закону противоречия и аналогичным принципам на том, что в них все верят; напротив, он основывает положение о том, что эти истины действительны для каждого рассудка, на необходимости, с какой они даны. Делая эту необходимость столь мало зависимой от опыта, Тетенс, скорее, отрицает возможность рассудка, в котором А не было бы равным А, в то время как ему кажется вполне возможным сознание, для которого существует совершенно отличный от нашего наглядный мир.

Тетенс даже согласен с Кантом или выступает как его предшественник в том, что он причисляет к этим априорным знаниям ещё и синтетические положения. Правда, стремясь конкретнее мотивировать доверие к данным положениям, Тетенс неожиданно впадает в описание психологического аппарата, из которого как бы выскакивают эти положения, так что логическая очевидность становится для Тетенса механическим принуждением.

Таким образом становится понятным, почему Кант предпочитал занимать отрицательную позицию по отношению к психологии. Однако это привело его к ошибкам противоположного свойства.

Перевод С.П. Поцелуева